

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ П. П. ШАФАРИКА,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО ВИКЕНТІЯ МАКУШЕВА.

Quam vides, unde ortum est nomen, citius
rem intelligis; omnis enim rei inspectio
etymologiâ cognitâ plenior est.

Isidorus.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, за достоинство котораго ручается имя его автора, принадлежитъ къ числу лингвистическихъ монографій, напечатанныхъ Шафарикомъ во Временникѣ чешскаго музея (Casopis českého Muzea). Онѣ представляютъ необходимое пособие при изученіи славянскаго языка, но къ сожалѣнію у насъ мало извѣстны: вотъ почему я считаю небезполезнымъ напомнить о нихъ.

Во Временникѣ за 1846 г. помѣщены изслѣдованія: 1) объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня (o tvoření slov zdvojením kořene) и 2) о распространеніи глагольныхъ корней и стволонъ вставкою и прираженіемъ согласныхъ (o šíření cásoslovních kořenůw a kmenůw vsázením a přirážením sauhlasek).

Во Временникѣ за 1847 годъ: 3) объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ (o přetvození hrdelních sauhlasek) и 4) объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ славянскомъ (vuklad některých grammatických forem v jazyku Slovanském).

Во Временникѣ за 1848 г. напечатана предлагаемая нами монографія: 5) филологическій разборъ числительныхъ именъ (Mluvozrpný rozbor číslaslova).

Числительныя имена, по сознанію самаго Шафарика, представляютъ сравнительно съ другими частями рѣчи наибольшее

трудности для этимолога. Своимъ изслѣдованіемъ великій славянскій ученый желалъ не только объяснить темное происхождение числительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказать на опытѣ возможность и пользу этимологии, какъ науки; поэтому онъ долженъ былъ въ началѣ своей монографіи рассмотреть задачу этимологии и различныя филологическія системы о происхожденіи языка. Шафарикъ относитъ числительныя имена къ отдѣлу главныхъ категорій словъ, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны. Основныя числа, по его мнѣнію, родственны частію (1—3) съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію (4—10) съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли имена и глаголы.

Кромѣ Шафарика, писали о числительныхъ именахъ *Боппъ, Гриммъ, Поттъ, Беккеръ, Штернъ, Павскій* и мн. др. Всѣ эти изслѣдованія, по двумъ господствующимъ системамъ языковеденія, можно раздѣлить на два разряда: философскій и сравнительно-историческій.

Филологи-философы опредѣляютъ числительныя имена довольно темно.

«Числительныя имена, говоритъ *Беккеръ* ⁽¹⁾, по значенію своему весьма близки къ мѣстоименіямъ. Они не выражаютъ понятія бытія или дѣйствія, но только обозначаютъ отношенія, въ которыхъ бытіе представляется въ основѣ мышленія ⁽²⁾. Число не есть понятіе, но только отношеніе понятія, хотя двойственность и множественность обозначаются особенными флексіями двойств. и множ. ч. ⁽³⁾. Вполнѣ развитая форма числительныхъ не позволяетъ намъ сомнѣваться, что они первоначально выражали понятія и образовались изъ глагольныхъ корней и что только въ послѣдствіи стали обозначать численныя отношенія. При другихъ служебныхъ частяхъ рѣчи (*Formwörter*) можно еще теперь указать, какое значеніе они имѣли первоначально; доказательствомъ же глубокой древности числительныхъ служитъ то, что никому изъ изслѣдователей не удалось до сихъ поръ дойти до сколько-нибудь правдоподобной догадки касательно понятій, которыя первоначально выражали числительныя. Кажется, что они сначала были именными названіями (*substantivische Benennungen*) предметовъ, обозначавшихъ численное отношеніе; напр. *Paar, Mandel, Stock, Stiege.*»

(1) *Organismus der Sprache*, von Becker. Frankfurt am Main. 1841. SS. 209—211.

(2) Die Zahlwörter drücken nicht Begriffe eines Seins oder einer Thätigkeit aus, sondern bezeichnen nur Verhältnisse, in denen das Sein als Individuum seiner Art in einer besonderen Anschauungsform von dem Sprechenden aufgefasst wird. S. 209.

(3) Die Zahl ist nicht ein Begriff, sondern nur ein Beziehungsverhältniss des Begriffes s. 210.

«Числительныя имена, по мѣнью Штерна, суть ничто иное, какъ обособленіе одной стороны численной категоріи, множественности, а потому каждое число, начиная съ одного, требуетъ послѣ себя множеств. ч. (4).

Исслѣдованія о числительныхъ именахъ въ области сравнительно-историческаго языковѣдѣнія гораздо обильнѣе и важнѣе для науки по своимъ результатамъ. Разсмотримъ важнѣйшія изъ нихъ.

Фр. Бопъ, въ своемъ классическомъ произведеніи *Сравнительная грамматика*, посвящаетъ большой отдѣлъ образованію числительныхъ 5). По его мнѣнію, числительныя образовались большею частію накопленіемъ: три (скр. *tri*, кор. *tr̥*=transgredi) = 2 + 1, четыре (скр. *çatur*, *çatvar*, жен. *çatasar*=ca (ct)+tisar) = 1 + 3, пять (скр. *pañcan* = pañ + çā = pa (въ мѣст. éka) + çā) = 4 + 1. Числительныя происходятъ не отъ глагольныхъ корней, но отъ мѣстоименныхъ.—Числительныя по своей формѣ раздѣляются на существительныя и прилагательныя, а потому принадлежать къ двумъ склоненіямъ—существительному и мѣстоименному; но изъ нихъ весьма многія, первоначально измѣнявшіяся по числамъ и падежамъ, въ послѣдствіи со всѣмъ или только частію потеряли свою склоняемость. Въ Санскритѣ и Зендѣ удержали различіе рода только числительныя 1—4. Уже въ этихъ языкахъ замѣчается неправильность въ склоненіи числительныхъ: *одинъ* допускаетъ только единственное число, *два*—двойственное, а прочія числительныя только множеств. ч.; 5—10 въ ИВЗ. считаются въ единств. ч., а въ прочихъ падежахъ во множ.

Яковъ Гриммъ указываетъ въ *Исторіи нѣмецкаго языка* 6) на числительныя имена, какъ на одну изъ данныхъ, по которымъ можно судить о степени родства языковъ. Съ этой точки зрѣнія онъ сравниваетъ числительныя во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, находитъ въ нихъ поразительное сходство и о происхожденіи только трехъ числительныхъ высказываетъ свою догадку, именно: *pañcan* (5) означаетъ распростертую руку съ пятью пальцами отъ *paç*—*extendere*, *dasan* (10)—обѣ руки съ десятью пальцами отъ *das*—*monstrare*, *navan* (9)—новое число отъ скр. *nava*

(4) Das Zahlwort ist nichts weiter, als eine Individualisation der einen Seite der Form des Numerus, die Mehrheit, und jede Zahl von eins an regiert daher gleichsam den Plurals. *Vorläufige Grundlegung zu einer Sprachphilosophie*, von Dr. Stern, Berlin, 1835. S. 77 Штернъ замѣчаетъ въ исторіи филологіи тѣмъ, что примѣнилъ идеи Гегеля къ языку.

5) Fr. Bopp. *Vergleichende Grammatik*, Berlin, 1833 S. S. 428—467.

6) Jacob Grimm, *Geschichte der deutschen Sprache*, Leipzig, 1848 ibd SS. 239—257.—Извѣстны три данныя для узнаванія родства языковъ: имена числительныя, мѣстоименія и 3 л. ед. ч. существительнаго глагола—*естъ*.

(novus, новый)¹⁾. Объ остальныхъ числительныхъ оны замѣчаютъ, что можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ выражаютъ понятіе совокупленія, собранія.

Августъ-Фридрихъ Поттъ издалъ въ 1847 г. монографію: *Пятиричная и двадцатиричная система счисления у народовъ всего міра*²⁾.

Основаніемъ всѣхъ извѣстныхъ системъ счисления служить рука или вѣрнѣе счетъ *пальцевъ*, чаще всего 10, рѣже 5, еще рѣже 20; оттого три различныя системы счисления: *десятиричная* (самая удобная, почти у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы), *пятиричная* (въ сѣв. Азій, сѣв. и частію въ средней Америкѣ, въ большей части Австраліи и Африки) и *двадцатиричная* (пѣзъ европ. народовъ—у Датчанъ, Кельтовъ и частію у Французовъ).

Во всѣхъ языкахъ находится опредѣленное, весьма ограниченное количество *первообразныхъ* (primitiver) числительныхъ именъ, изъ которыхъ производятся остальные посредствомъ четырехъ арифметическихъ дѣйствій: сложения (лат. undecim= $1+10$, франц. vingt-quatre= $20+4$), умноженія (лат. viginti= 2×10 , франц. quatre-vingts= 4×20), вычитанія (лат. undeviginti= $20-1$) и дѣленія (эстон. poolteist sadda=anderthalb hundert).

Числительныя имена первоначально были *названіями предметовъ*, что очевидно въ языкахъ дикихъ народовъ, гдѣ еще ясно образованіе словъ; напр. въ одномъ изъ африк. языковъ для выраженія 1 употребляется слово *bull* (голова), для выраженія 5—*ten* (рука) и т. д. Съ этимъ можно сравнить названія нѣкоторыхъ числительныхъ въ языкахъ европейскихъ: у силезскихъ Нѣмцевъ 12 называется *Schilk* (Schilling= 12 Pfening), 15—*Mandel*, 20—*Stiege*. Нѣм. *Schock* тоже что пол. *koppa*, лить. *kappa*=60; у Словаковъ 40 называется *meru* (мѣра).

Вообще численныя представленія, какого бы ни были они рода, имѣютъ *конкретное основаніе*. Такъ мѣра, вѣсъ, пространство, лѣтосчисленіе получали свои названія отъ естественныхъ отношеній; напр. для означенія 14 фунтовъ употребляется у многихъ народовъ слово *камень*: нижнелуж. jaden kamen, нѣм. stein, англ. stone, гал. clach.—Бразилійцы называютъ *родъ* по имени дерева *асаюи*, которое каждыи годъ приноситъ плоды.

¹⁾ Доказательство существованія въ нашихъ языкахъ четверичной системы. Сравнискія *quadrinae*=*novendinae*.

²⁾ Die quinaire und vigesimale Zählmethode bei Völkern aller Welttheile. Nebst ausführlicheren Bemerkungen über die Zahlwörter Indogermanischen Stammes und einem Anhange über Fingernumer. A. Fr. Pott. Halle 1847.

Въ Тибетѣ для означенія года употребляется слово *lo* (листь), потому что листья деревъ мѣняются ежегодно (*).

Въ склоненіи числительныхъ замѣчается неправильность. Въ греческомъ языкѣ удержали склоненіе и родовое различіе 1—4, а въ латинскомъ 1—3. Въ готскомъ, славянскомъ и литовскомъ языкахъ склоняются всѣ десять основныхъ числительныхъ, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ измѣняемость сохранили только 1—3. Французскій и англійскій языки совершенно потеряли склоненіе.

Замѣчательное явленіе представляютъ языки въ отношеніи къ синтаксическому соединенію существительныхъ съ числительными именами: я разумѣю здѣсь употребленіе единственнаго числа вмѣсто множественнаго. Уже въ Ведахъ встрѣчаемъ такое употребленіе: *dvé cati gôh*—двѣсти коровы. У Оукидида: *diakóvia íptos* (двѣсти лошадей).

Въ итальянскомъ языкѣ един. ч. употребляется при числительныхъ сложныхъ, когда послѣднее изъ нихъ есть 1; напр. *cent'un talero*, срв. рус. сто одинъ рубль. Въ еврейскомъ языкѣ единств. ч. ставится при всѣхъ числахъ выше 10. Кромѣ того замѣчательную особенность семитическихъ языковъ составляетъ употребленіе числительнаго въ формѣ женской при существ. муж. р. и наоборотъ. Въ Китайскомъ языкѣ при *всѣхъ* числит. и собирает. именахъ полагается единств. ч. вм. множ.; въ тибет., монгольскомъ, турецкомъ, персидскомъ, венгерскомъ, эстонскомъ и кельтскомъ языкѣ замѣчаемъ тоже самое явленіе.

Протоіерей Павскій, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка*, двѣ главы посвятивъ разсмотрѣнію вопроса о числительныхъ именахъ (10). По его мнѣнію, числительныя составляютъ самостоятельную часть рѣчи. Находя нѣкоторое сходство съ семитскими языками, онъ предполагаетъ древнѣйшую связь и родство индоевропейцевъ съ семитами.

Числительныя происходятъ частію отъ мѣстоименныхъ, частію отъ глагольныхъ корней. *Три* и *четыре* образовались посредствомъ накопленія: *три*—осет. *дер.*, крани. *тер.* зн. и. еще—

(*) И въ нашемъ областномъ языкѣ находятся подобныя же изобразительныя выраженія для измѣреній мѣста и времени; напр. *повалище* (Арх.) зн. пространство земли, достаточное для того, чтобы на немъ повадиться или разлечься; *рыкъ* (Твер.) значеніе въ знач. мѣры разстоянія; *скокъ* (Влад.)—верста; *трава* (Камч.) въ знач. года *увряжан* (Новг. Твер.)—треть летняго дня и т. п. (Записка *Ф. И. Буслаева*, Изв. II Отд. Ак. Н. 1852 I, 173—174).

(10) 2 изд. Спб. 1852. II Отд. 2 разс. 11 и 12 гл.

2+1, *чатур* = *ча* зн. и, *тур* = *гер* = 3+1. Одинъ зн. отдѣльный, особенный, самъ-по-себѣ (*ιδιος*). Два озн. разщепленіе, развѣтвленіе. Срв. нѣм. *zwei* и *Zweig* — вѣтвь. Семичское *цааф*, *сааф* созвучно съ нѣм. *zweif*, *zweifeln* = разщепать, разодрать, раздвоить, сомнѣваться т. е. думать на двое. — *Сорокъ* сокращено изъ греч. *τεσσαράκοντα* *Десянсто* сокращено изъ девятьдесятъ = *дева* — *ст* — *о* = *девен* — *о* — *ст* — *о*. Окончаніе *о* появилась въ 90 по вліянію слѣдующаго за нимъ *сто* ⁽¹¹⁾ (?). — Исслѣдованія объ образованіи составныхъ порядковыхъ числительныхъ, о сочетаніи числительныхъ между собою и съ существительными, о склоненіи числительныхъ, особенно *полтора* и *полтретья*, принадлежатъ къ самымъ удачнымъ страницамъ во всемъ сочиненіи.

Вотъ всѣ, сколько мнѣ извѣстно, замѣчательныя исслѣдованія о вопросѣ, составляющемъ предметъ предлагаемой монографіи. Позволю себѣ упомянуть еще о превосходномъ трудѣ *Θ. И. Буслева*, *О преподаваніи отечественнаго языка*, гдѣ можно найти нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о числительныхъ именахъ русскаго языка.

⁽¹¹⁾ Точно такимъ же образомъ Павскій объясняетъ замѣну и звукомъ *д* въ числ. *девятъ* = *несаятъ*, *посет*, вліяніемъ слѣдующаго за нимъ *десять* (?).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Предметъ этимологiи или словопроизведенiя состоитъ, какъ показываетъ самое названiе, въ изслѣдованiи словъ т. е. въ объясненiи ихъ происхожденiя и образованiя, съ цѣлю полнѣйшаго опредѣленiя и совершеннѣйшаго пониманiя какъ языка, такъ и самаго нашего мышленiя, необходимаго его условiя.

При бѣгломъ взглядѣ на запасъ словъ нашего роднаго языка, легко замѣтимъ что въ немъ подлѣ такихъ, которыхъ происхожденiе и соотношенiе съ предметомъ для насъ очевидны, напр. krejci a), kowar b), řeznik c), čerwenka p), bělice e), okaun f), roháč g), hrdlička h), zeměplaz i), kowkop k), náprstek l), prohluben m), pŕíwal n), и т. д. находится великое множество иныхъ, въ которыхъ соотношенiе звука съ предметомъ, а потому и поводъ къ наименованiю совершенно темны, неизвѣстны, такъ что такiя слова употребляются уже только какъ условные знаки для выраженiя извѣстныхъ понятiй; напр. zub, čmel, wčela, zlato, srdce, skála, kotew или kotwice, kopŕiwa или ktopŕiwa и т. д. Если посредствомъ филологическаго разбора докажемъ, что поводъ къ наименованiю вышеозначенныхъ словъ дѣйствительно находится въ родственныхъ имъ zobati u zábsti (срв. нѣм. *beissende Kälte*, *die Kälte beisst mich*) šuměti, wuceti или bučeti, žlutý, střed (слав. срѣдъ), skelitise, откуда skulina (срв. лат. *gumpes* u *gumpere*), kot или kočka (срв. однозначущее дрв. чешск. и слк. *mačka* «*kotwice* nebo *mačka*», венгер. *Vas-macska*, т. *Zelesná kočka*), u-krop (срв. лат. *carbo* и однознач. *záhawka*, *urtica*, *Bren-nesel*),—тогда достигнетъ какъ наше мышленiе, такъ и языкъ большей ясности и точности, а потому и познанiе наше будетъ совершеннѣе. А чтобы этимъ способомъ мы могли дойти

a) Портной, кор. *кро-ить*.

b) Кузнецъ, кор. *ков-ать*.

c) Мясницкiй ножъ, кор. *рез-ать*.

d) Красная чашечка у цвѣтка, Кор.-*черв.* Срв. *червои-ная Русь*, *Черм-ное море*.

e) Бѣлуга.

f) Окунь.

g) Рогачъ.

h) Горлица.

i) Пресмыкающiяся животныя; сост. възъ *зем-ля*, и *плз-ати*.

k) Рудокопъ, *kow*=руда.

l) Наперстокъ.

m) Глубина.

n) Буря, *вол-ненiе*.

до ближайшаго повода къ наименованію, мы должны рѣшить новую задачу: откуда образовались слова *zobati*, *šuměti*, *wučeti* или *bučeti*, *žlutý*, *šřed*, *skeliti* или *škeriti se*, *kot* или *kočka*, *ukgor*? гдѣ у нихъ поводъ къ наименованію? Такимъ образомъ мы непремѣнно должны приступить къ новому разбору и доискиваться до болѣе глубокихъ основаній до тѣхъ поръ пока дойдемъ до самыхъ глубочайшихъ. Однако и то, что найдется при первомъ разборѣ слова и открытіи ближайшаго повода къ наименованію предмета, для усовершенствованія человѣческихъ познаній всегда важно, часто неоцѣнимо.

Возможность и необходимость этимологін, какъ науки, опирается на началахъ, извлекаемыхъ отчасти изъ мысли, отчасти изъ опыта. Эти начала принуждаютъ насъ принять за истину, что все предлагаемое нашему познанію какъ внѣшнюю природою, такъ и собственнымъ нашимъ духомъ, есть осуществленіе духа самодѣтельнаго и свободнаго, но дѣйствующаго по закѣнамъ и правиламъ а не по слѣпому случаю,—духа постижимаго, если не въ самомъ себѣ и въ своей сущности, то по крайности въ своей дѣятельности (причемъ онъ только легко впадаетъ въ неосновательность), постижимаго разуму человѣческому (который самъ есть духъ),—и воспринимаемаго его понятіями въ истинномъ объемѣ. Такъ какъ языкъ есть найвысшее, къ сущности духа наиблизжайшее осуществленіе мысли человѣческой, то не можетъ такое явленіе имѣть причину въ самомъ себѣ и оставаться чужимъ и непронимаемымъ до внѣшняго обнаруженія. Конечно, если бы съ другой стороны внимательно и строго мы разсмотрѣли то несовершенное состояніе, въ которомъ находится этимология до настоящаго времени, несмотря на многостолѣтнія усилія тысячи ученыхъ изслѣдователей,—если бы вспомнили, какъ ложны, несостоятельны, даже нелѣпы ея результаты, то мы могли бы усумниться въ возможности ея, какъ науки, могли бы поставить ее на ряду съ астрологіей, хиромантіей, криптологіей, физіогномикой и т. д. въ число простыхъ грѣзъ и забавъ воображенія, а также загадочныхъ, не достойныхъ имени науки гаданій. Но судя такъ, мы судили бы необдуманно, неосновательно и несправедливо. Несовершенство обще этимологін съ самыми точными и болѣе обработанными науками, философией, физикой, химіей, медициной и др., объемы которыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій не могли быть вполне опредѣлены, и отъ времени до времени появляются еще новыя системы; но по этой причинѣ ни одинъ разумный цѣвитель не будетъ считать ихъ невозможными и ненужными, хорошо зная, что истинная сущность человѣческаго духа заключается

не въ вѣденіи того или въ вѣрѣ въ то, чему мы научились, но въ стремленіи къ приобрѣтенію познаній, въ изысканіи и изслѣдованіи. Ничтожность этимологіи тогда только былабы доказана, когда бы совершенно убѣдились, что все постигнутое и вообще сдѣланное постижимымъ изслѣдованіями ученыхъ нисколько не важнѣе того, что знаетъ и можетъ знать объ языкѣ простой самородный умъ каждаго человѣка. Правда, что касательно послѣдняго результата и, такъ сказать, ядра предмета одно вѣденіе ничѣмъ не превышаетъ другое: но относительно формы различіе между ними велико, безконечно, а на этомъ здѣсь все и основывается. Еслиже мы видимъ въ этимологіи болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, ошибокъ и заблужденій ученыхъ, то слѣдуетъ вспомнить, что, доходя до глубочайшихъ основъ языка, мы подходимъ къ предѣламъ безконечнымъ необъятнаго царства духа, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если наше слабое зрѣніе ища свѣта уже у самаго приступа къ нему теряетъ силы и тонетъ во мглѣ и мракѣ. Тутъ обыкновенно является на помощь разсудку воображеніе: судьба всѣхъ наукъ, не одной этимологіи. А потому, несмотря на неосновательность *въ цѣломъ*, этимологическая система можетъ быть поучительна *въ частностяхъ* и способствовать къ усовершенствованію человѣческихъ познаній, какъ цѣлаго усовершеняемаго, но никогда вполне не усовершеняемаго.

Задачу этимологіи составляетъ, какъ мы сказали выше, различіе между поводомъ къ наименованію предмета или основанію, почему опредѣленные понятія выражаются опредѣленными звуками человѣческой рѣчи, что достигается только изслѣдованіемъ родства словъ, разборомъ составныхъ ихъ частей. То и другое возможно, потому что всегда большаа часть каждаго языка насквозь прозрачна и видима, такъ что происхожденіе и образованіе словъ, а тѣмъ самымъ и поводъ къ наименованію предмета, въ той части языка ясенъ здравому смыслу и не можетъ приводить въ сомнѣніе.

Изоощренный наукою умъ опредѣляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ, неизвѣстное помощію того, что извѣстно, указываетъ органическое соотношеніе словъ темнаго происхожденія и образованія со словами ясными и такимъ образомъ стремится къ открытію первичныхъ, простыхъ элементовъ, а также послѣднихъ основаній языка. Но такъ какъ языкъ, что было прежде показано, должно разсматривать, какъ наивысшее, найсовершеннѣйшее воплощеніе теоретическаго духа въ природу, мысли въ тѣло, понятія въ звукъ, то само собою разумѣется, что всякое словопроизводство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только вѣчнымъ

приравниваніемъ или лучше примѣриваніемъ идеи къ звуку и наоборотъ звука къ идеѣ, т. е. постоянными положеніями и противоположеніями или утвержденіями и отрицаніями, какъ необходимыми условіями нашего мышленія. Что не входитъ въ этотъ объемъ, то и не составляетъ предметъ языка и его науки. То, о чемъ мы здѣсь разсуждаемъ, есть первичный и настоящій синтезъ, который, какъ всему въ природѣ, такъ и языку не только даетъ форму, но и опредѣляетъ его сущность, и безъ него ничто не можетъ быть воспріято, что только находимъ мы въ природѣ для воспріятія, хотя самъ онъ остается непостижимъ для человѣческаго разума.

Есть три ученія системы, — скажу объ этомъ коротко, — касательно образованія основы или организма человѣческаго языка. По первой, языкъ есть прирожденное, механическое отправление человѣческаго организма, точно такое же какъ и дыханіе и т. п., и образовался самостоятельно посредствомъ соединенія членоставныхъ звуковъ въ большія или меньшія цѣлыя въ слѣдствіе простаго подражанія природѣ т. е. уподобленіемъ звуковъ мертвой и живой природы: это — *атомизмъ* (*atomismus*), по которому языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ природѣ, а разумъ человѣческой языкъ. Подобная ему философская система называется *материализмомъ* (*materialismus*) (1).

По другой системѣ языкъ есть истеченіе (*emanatio*) духа, распространяющагося изнутри наружу и переходящаго въ своемъ образованіи отъ цѣлаго къ частямъ, такъ напр. отдѣльныя слова образуются не внѣшнимъ соединеніемъ звуковъ, но какъ цвѣтокъ и растеніе внутреннимъ развитіемъ или побѣгомъ однихъ изъ другихъ, напр. производныхъ словъ изъ коренныхъ: это — *динамизмъ* (*dynamismus*), по которому языкъ, а слѣдовательно и весь міръ, созданный языкомъ или мыслимый въ немъ, родился изъ идеи. Соответствующая философская система называется *идеализмомъ* (*idealismus*). По третьей системѣ, ни духъ произошелъ изъ языка и ни языкъ изъ духа человѣческаго, но человекъ при первомъ своемъ сознаніи открылъ себѣ и слово, органически соединенное съ его духомъ, т. е. образованіе языка синтетическое, положеніе, которое можно себѣ уяснить, но для окончательнаго разрѣшенія котораго необходимыя данныя премудро отказаны провидѣніемъ.

По этой третьей системѣ языкъ человѣческой во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, начиная отъ найпростѣйшаго общепонятнаго звука до найвысшаго искусосоставленнаго предложенія, есть непрерывный и безконечный *синтезъ* въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. такой, который при каждомъ новомъ во-

площевин мысли въ звукъ, при каждомъ генетическомъ соединеніи матеріи съ формой, при каждомъ органическомъ сращеніи и совокупленіи элемента съ элементомъ, слога со слогомъ, слова со словомъ, нѣчто такое образуетъ, чего не было въ отдѣльновзятыхъ частяхъ и что опять уничтожается по разложеніи формы или разборѣ цѣлаго; напр. *nadoba* изъ *na* и *doba*, *obraz* изъ *ob* и *raz* и т. д.

Что эта третія система одна только истинна и достойна человека, было всегда моимъ полнымъ убѣжденіемъ; но я не отвергаю и относительнаго значенія остальныхъ двухъ системъ, въ той степени, какъ духъ человѣческій, иначе непоступающій въ своемъ мышленіи, какъ путемъ утвержденія и отрицанія, пользуется ими, какъ условіями и ступенями къ достиженію чего-то высшаго.

Для объясненія этого необходимо прибавить слѣдующее: каждый языкъ, взятый въ объективномъ смыслѣ, какъ содержаніе всего, что только образовалось отъ воплощенія мыслящаго духа въ форму звука, естественнѣе всего разсматривать, какъ нѣкоторый складъ понятій и словъ разныхъ порядковъ, изъ которыхъ самый высшій, состоящій изъ чувственныхъ словъ и звукоподраженій, основывается на необходимости природы, самый высшій, изъ частныхъ, каждый день творимыхъ и прилагаемыхъ къ предметамъ и лицамъ именъ, теряется въ эфирѣ свободы, а между этими двумя порядками находятся остальные со своими переносами понятій и словъ отъ внѣшнихъ образовъ къ мыслямъ, отъ мыслей къ идеямъ.

Любознательный разумъ человека, стремясь къ разрѣшенію вопросовъ своей жизни, ищетъ такихъ точекъ отъ правленія, откуда бы онъ могъ видѣть чисто, свѣтло и ясно всѣ тайны природы, а слѣдов. и тайны своего языка. Онъ избираетъ прежде всего низшую точку отправления: тутъ ему представляется языкъ органическимъ необходимымъ произведеніемъ природы. Не успокоившись этимъ, онъ переходитъ на высшую ступень: тутъ ему представляется языкъ чистымъ оттискомъ и отголоскомъ жизненнаго духа. Но и здѣсь онъ не находитъ полнаго удовлетворенія. Тогда обогащенный необходимою опытностію, онъ возвращается на первую точку зрѣнія, изъ которой вышелъ.

Намѣреваясь представить этимологическій разборъ числительнаго имени, чтобы этимъ изслѣдованіемъ, если оно удастся, доказать не только возможность но и пользу этимологии, какъ науки, я призналъ нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о началахъ, которыми буду руководствоваться въ предпріятомъ трудѣ и о предѣлахъ, въ которыхъ я намѣренъ удержаться, чтобы избѣгнуть тѣмъ всѣхъ возможныхъ недоразумѣ-

ній и нарѣканій. И такъ скажу какъ можно короче объ этихъ началахъ и положеніяхъ.

1) Образование (genesis) языка есть *синтетизмъ* (synthetismus) т. е. такое соединеніе простыхъ элементовъ или членораздѣльныхъ звуковъ, въ которомъ при каждомъ совокупленіи составныхъ частей въ новообразовавшемся цѣломъ касательно понятія ничего такого не прибавляется, чегобы не было въ отдѣльныхъ частяхъ.

2) Словообразованію противоплагается *разборъ* (analysis), посредствомъ котораго обнаруживается совокупленіе составныхъ частей, но при разрушеніи формы теряется сущность слова т. е. смыслъ, заключающійся въ синтезѣ.

3) Каждый элементъ слова, каждый членораздѣльный звукъ прежде, нежели онъ синтетически совокупился съ другимъ, былъ самостоятеленъ и выражалъ извѣстное понятіе, ибо выраженіе понятіи есть существенное свойство человѣческой рѣчи; безъ этого звукъ человѣческой стоитъ наравнѣ съ звукамъ звѣринымъ.

4) При совершенномъ или синтетическомъ соединеніи составныхъ части слова теряютъ свою самостоятельность такъ, что ни одна изъ нихъ сама по себѣ не имѣетъ значенія, всѣ же вмѣстѣ *они выражаютъ одно понятіе* (sauznamenaji, consignificant, *состыкнѣности*), но при этомъ одни изъ нихъ болѣе, а другія менѣе важны, одни сильнѣе, другія слабѣе, одни называются частями (rѣwky) и корнями, другія образовательными и флективными слогами или приставками (suffixa).

5) Рядомъ съ синтетическимъ образованіемъ новыхъ словъ изъ простыхъ элементовъ находится въ каждомъ языкѣ тропическій или *образный* способъ, который готовя слова употребляетъ въ разныхъ смыслахъ, перенося ихъ отъ предмета къ предмету, отъ чувства слуха къ чувствамъ зрѣнія, осязанія, обонанія и вкуса, отъ предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, отъ понятіи къ идеямъ. При этой многозначительности слова часто затемняется первичное, собственное значеніе, даже теряется совершенно; напр., bѣh, um, wѣp, mysl и т. д. Здѣсь задачу словоислѣдователя составляетъ изысканіе первичнаго, собственнаго смысла, а для этого онъ долженъ пробираться по всѣмъ вышеозначеннымъ порядкамъ языка, начиная отъ самыхъ высшихъ, гдѣ ясно образованіе и употребленіе словъ, до самыхъ низшихъ, гдѣ онъ посредствомъ догадокъ долженъ проникать со своими простыми элементами до необходимаго въ природѣ. Теперь по обнаженію первичнаго, собственнаго значенія слова можно приступить къ

разбору составныхъ его частей, если только оно дѣйствительно есть синтетически образованное высшее цѣлое, а не простой, единичный, недѣлимый элементъ.

Между всѣми классами или категориями словъ, на которыя дѣлится человѣческая рѣчь, едвали какая другая представляетъ для филолога столько трудности въ этимологическомъ отношеніи какъ та, которую мы называемъ *именемъ числительнымъ* (*robetním nebo číselným slovem, a šetrice krátkosti číslslohem*). Эти слова какъ въ нашемъ славянскомъ, такъ и въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, носятъ на себѣ подобіе однокорней безъ видимой связи съ другими: доказательство ихъ старобытности. Кажется, что во всѣхъ языкахъ или генетическое соединеніе ихъ составныхъ частей, или первичное и собственное ихъ значеніе, смотря потому тѣмъ ли другимъ способомъ они образованы, синтезомъ или метафорой, очень часто затемняются, отчего и поводъ къ ихъ наименованію приходитъ въ забвеніе. Трудность разбора числительнаго имени еще болѣе увеличилась оттого, что александрійская система категорій словъ, обработанная Аристархомъ, Діонисіемъ и Аполлоніемъ, новѣйшими учеными подрита и ниспровергнута, а на мѣсто ея еще не поставлена новая, стольже твердая и прочная. Тутъ начались и о категоріи числительнаго имени нескончаемые споры: нѣкоторые стали причислять его къ имени существительному, нѣкоторые къ прилагательному, нѣкоторые къ мѣстоименію, нѣкоторые отдѣлили отъ всѣхъ ихъ и поставили особенно; нѣкоторые считали его главною частію рѣчи, другіе служебною; нѣкоторые подводили его подъ категорію реальную, другіи идеальную. Знаменитый берлинскій мыслитель и изслѣдователь Dr. Штернъ, которому мы обязаны большою благодарностію за двѣ прекрасныя книги о философіи языка, объяснивъ много темнаго въ языкѣ, впалъ въ заблужденіе относительно одного числительнаго имени, утверждая, что оно не слово, а неорганическій побѣгъ или лучшее вымыселъ языка, что однозначительно съ выраженіями Аполлонія и Аристарха «*latus vocis «или» latus aeris*». 2) Удивительно, что числительныя, которыя новѣйшіе нѣмецкіе писатели (и сами аугсбургскія всеобщія вѣдомости) пишутъ и печатаютъ безъ отстановки напр. *dreimillionenneunzigtausend siebenhundertfünfzig*, не составляютъ слова по выраженію спекулятивнаго доктора Штерна, тогда какъ мы эмпирики Славяне считаемъ наше *а* или *и* полнымъ, совершеннымъ словомъ! Мы не только не сомнѣваемся въ мѣстѣ, которое занимаютъ числительныя имена въ категоріи словъ, но и утверждаемъ какъ истину, что числительныя принадлежатъ къ отдѣлу главныхъ категорій словъ, наравнѣ съ существитель-

нымъ и прилагательнымъ именемъ и глаголомъ, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны: такъ какъ мышленіе есть опредѣленіе опредѣлимаго, то безъ трехъ простыхъ опредѣленій и категорій—количества, качества и пространства—оно не возможно. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что понятія низшихъ чиселъ равнѣ съ прочими найвысшими понятіями развиваются въ дитяти и вступаютъ въ организмъ мыслей. Итакъ съ этой стороны, касательно категорій числительнаго имени, ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему разбору, если только мы не наткнемся на нныя препятствія.

Такъ какъ основа числительнаго имени въ индоевропейскихъ языкахъ, какъ мы показали, столь стародавна, темна и непроницаема даже для привычнаго взгляда, то возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ слѣдовали филологи, пытавшіеся разобрать числительное имя, и что указало имъ эти пути? Отвѣчаемъ: сравненіе высшаго порядка чедовѣческихъ языковъ и перенесеніе законовъ отъ языковъ, такъ сказать, *явнотканной* организаціи (*javnoskaného austrojí*) на языки *скрытнотканной* организаціи (*krytotkaného austrojí*).

При этомъ замѣчается слѣдующее: 1) Во многихъ языкахъ, особенно народовъ дикихъ, а именно африканскихъ и американскихъ, образованіе числительнаго имени достаточно извѣстно и очевидно; напр. въ языкѣ Фотъ: fok (1), be (2), la (3), nū (4), tan (5), ta-fok (6), ta-be (7), ta-la (8), ta-nū (9), ntak (10); въ языкѣ Фулахъ: goh, diddi, tatti, ni, jowi, joa-go, joa-diddi, joa-tatti, joa-ni, sappo; въ языкѣ Бейъ: dondo, filla, sakwa, nani, sólu, sundondo, sun-filla, sun-sakwa, sun-nani, tan и т. д., гдѣ видно, что числит. отъ *шести* до *девяти* образованы посредствомъ сложенія *пяти* съ основными единицами. 2) Другіе народы, стоящіе еще на низшей степени, Гренландцы, бразилійскіе Индѣйцы, Аби-повцы, Тарахумарцы, Кооссане и т. д. считаютъ отъ *одного* до *десяти* или *двадцати* на пальцахъ, сначала лѣвой руки, потомъ правой, на конецъ ногъ, показывая каждыи разъ столько пальцевъ, сколько нужно для выраженія даннаго числа, для *пяти* одну руку, для *десяти* обѣ руки или руку и ногу и т. д. Бразилійцы для выраженія числа *пять* показываютъ руку, говоря: *ojeré xé ró* *одна моя рука* или пять пальцевъ, для *десяти* обѣ руки, со словами: *xé ró* т. е. *мои руки*, для *двадцати* руки и ноги, при чемъ прибавляютъ: *xé ró xé ру* т. е. *мои руки мои ноги*. Гренландцы вмѣсто *двадцать* говорятъ *человѣкъ*, а вмѣсто *сто* *пять* *человѣкъ*. И то и другое т. е. подыатіе нижнихъ числительныхъ именъ на высшія мѣста и движеніе, при счетѣ по пальцамъ, рукою и ногою, какъ основаніе числительной системы,

привело естественно къ той мысли, что какъ высшія числа образуются посредствомъ сложенія низшихъ чиселъ, такъ и высшія числительныя имена составляются посредствомъ синтетическаго соединенія низшихъ числительныхъ именъ, и что какъ *человѣкъ* въ иномъ смыслѣ и на иныхъ мѣстахъ составляетъ «*мпу тльъ*» [срв. палець, пяль, ступень (*střewic*), футъ, локоть. сажень (*sah*)], такъ особенно *рука* его, которая служитъ основаніемъ числительной системы почти во всѣхъ языкахъ.

3) При сравненіи египетской системы численныхъ письменныхъ знаковъ съ числительными словами въ рѣчи замѣчено, что эти послѣднія въ своемъ образованіи представляютъ много аналогіи съ чисельными знаками, т. е. иероглифическіе знаки такъ устроены, что отъ *одного до девяти* отдѣльныя черточки ставятся одна подлѣ другой, однако съ видимыми отдѣленіями въ высшихъ порядкахъ: $1+3=4$, $2+3=5$, $3+3=6$, $3+4=7$, $4+4=8$, $4+5=9$ (т. е. одна черточка и три черточки озн. четыре и т. д.), и это соединеніе открыто болѣе глубокимъ вникнутіемъ въ складъ языка и въ именахъ числительныхъ, напр. коптское *psit*=9 сокращено изъ *psitir*, сложенаго изъ *psi*=4 и *tir*=5.

4) При нѣкоторыхъ, особенно высшихъ числительныхъ, наглядно видно, что слова перенесены отъ означенія предметовъ вещественныхъ, цѣлыхъ или раздѣленныхъ на извѣстныя части, къ означенію опредѣленныхъ чиселъ, и притомъ такъ что имена членовъ человеческого тѣла измѣняющейся величины (напр. *palec*, *pid*, *loket*, палець, пяль, локоть и т. д.) перенесены къ означенію опредѣленнаго количества. Такъ напр. въ Китайскомъ языкѣ слово *pi* озн. *ухо* и *два*, *del uxo* и *del два*, *lu соль* (шестигранно-кристаллизирующуся) и *lu шесть* (также *олень*, потому что у него 4 ноги и два рога), *kiei луковица* (которая, будучи поперегъ разрѣзана, представляетъ шесть круговыхъ кожичекъ и три срединныхъ) и *девять*; въ малайскомъ языкѣ *lita рука* и *пять*, въ мексиканскомъ *та-рука* и соединеніе пятковъ т. е. *десять*, *двадцать*, въ турецкомъ *el рука* и *пять* въ словѣ *el-li* (пять десятъ), въ татарскомъ *tuten мгла* и *tutan десять тысячъ* и т. д.

5) Наконецъ въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ ученые филологи посредствомъ тщательныхъ изслѣдованій надъ главнѣйшими языками индоевропейскаго племени доказали, что все ихъ словарное богатство можетъ быть выведено изъ двухъ-трехъ элементовъ: изъ *частицъ* (*prwkijw*), изъ которыхъ образовались мѣстоименія, предлоги и нарѣчія, и изъ *корней*, изъ которыхъ произошли глаголы и имена существительныя и прилагательныя. Примѣриваніе числительнаго имени къ этимъ эле-

ментамъ показываетъ, что одни изъ нихъ, именно низшія, представляютъ нѣкоторое сходство съ мѣстоименными частицами, другія же напротивъ, и именно высшія, съ именными и глагольными корнями.

- Таковыми и подобными замѣчаніями облегчился приступъ къ изслѣдованію темнаго образованія числительнаго имени въ языкахъ индоевропейскаго племени, и не замѣшкали ученые филологи, особенно нѣмецкіе, мужественно пропикнуть черезъ новоотворенную дверь до найсокровеннѣйшихъ тайняковъ языка, такъ долго бывшихъ для нихъ недоступными. Но не время и не мѣсто теперь не только распространяться о различныхъ опытахъ разбора числительнаго имени ¹⁾, но даже и въ не многихъ словахъ повторить то, что намъ кажется правдоподобнымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ: только одно еще здѣсь припомнимъ.

Всѣ способы счисленія основываются на употребленіи *руки*, такъ что обыкновенно число пальцевъ на обѣихъ рукахъ т. е. *десять* принимается за основную единицу счисленія, рѣже мѣнѣе т. е. счетъ пальцевъ одной руки или *пять*, а еще рѣже счетъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ т. е. *двадцать*;—оттого три различныя системы счисленія: пятиричная, десятиричная и двадцатиричная, въ которыхъ дальнѣйшій счетъ производится посредствомъ соединенія пятковъ, десятковъ или двухъ десятковъ и приложенія къ нимъ единиць.

Но уже и самыя единицы, исключая первыхъ изъ нихъ, составляютъ весьма часто плодъ или слѣдствіе вычисленія (обыкновеннѣе всего сложенія, часто умноженія), выраженаго въ языкѣ соответствующимъ синтетическимъ соединеніемъ корней словъ,—рѣже метафоризма, который образно выражаетъ числа уже готовыми и совершенными словами;—но это еще яснѣе можетъ быть узнано изъ предлагаемаго разбора.

РАЗБОРЪ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО.

1. *Одинъ*.

а) Слв. *инъ* сохранилось только въ производномъ *инокъ* (*solivagus, monachus*) и въ сложныхъ *инорогъ* (*unicornis*), *инодушно* (*unanimiter*), также въ нарѣчій *вынъ* т. е. *въ инъ* (*semper, in eînem fort*), въ русскомъ *иноходъ* (*gradus tolutarii, Zelt*) и *иноходецъ* (*gradarius, tolutarius, Zelter*, чеш. однознач. *mimochod*). Корень *en* сохранился въ *eden* и чеш. *jen, jenom* (*solum, unice*), литв. *wiėnas*, лат. *wėns*. скр. *ūna* въ *ūna-vinsati* (*un-de-viginti, 19*). Въ прочяихъ случаяхъ *ēka*, зенд. *aevd*, греч. *εξ* въ *εγς*, въ др. грч. *εγ*. лат. *unus*, др. лат. *oinos*. гот. *dins*. в. сѣв. *ein*, слав. *единъ*, чеш. *jeden*. скр. *adi* (*primus*).

Первая древнѣйшая форма ближе всего подходитъ къ мѣстоименіямъ *миъ* (*alius*) и *ониъ* (*ille*), которыя равняются скр. *anja* (*alius*) и не вполне сохранившемуся *ѣпа*, вин. *ѣпат* (*hinc*). Корень слова есть звукъ *н*, въ смыслѣ указательномъ на предметъ присутствующій и видимый, отдѣленный въ пространствѣ, имъ занимаемомъ, отъ прочихъ мыслимыхъ предметовъ. Въ языкахъ индоевропейскихъ звукъ этотъ, употребляясь для образованія мѣстоименія перваго лица, сохранился только въ двойственномъ и множественномъ числѣ, слв. *на* или *ны*, *наю*, *нама*, *наст*, *намъ*, *нами*, и въ косвенныхъ надежахъ единственнаго числа *мене*, *мьнѣ*, *мьною* (здѣсь сверхъ того только какъ приставка), но въ другихъ языкахъ, а именно финскихъ, находимъ его на первомъ мѣстѣ т. е. въ имен. п. ед. ч., въ венгер. *én* (*ego*).

Впрочемъ за основаніе своего дальнѣйшаго разбора и изслѣдованія мы принимаемъ, что въ ту незапамятную доисторическую эпоху, въ которую образовались нынѣшнія наши числительныя имена, и въ томъ языкѣ, изъ котораго произошли индоевропейскія языки, звукъ *н*, полнѣе *на* или *ан*, употреблялся для мѣстоименія перваго лица и по родству понятій былъ перенесенъ къ означенію перваго числа.

Наше *миъ* можно сравнить съ Латин. *unus*, дрв. *oinos* и т. д., несмотря на различіе гласныхъ *и* и *у*, потому что слв. *и* соответствуетъ Лат. *у*, *ю*; напр. иго—*jugum*, да и въ самомъ слв. яз. переходъ *у* въ *и* и на оборотъ *и* въ *у* (имати-умъ) считается правильнымъ.

Вторая новѣйшая форма т. е. слв. *к-динъ* чеш. *jeden* ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена, кромѣ скр. *ddi* (*primus*).

Я полагаю, что слово это сложено изъ *к-ди-нѣ*, такъ что въ первой части скрывается указательная частица *ка*, которая ясно выказывается въ первообразномъ словѣ *ка-зѣ*, *ка* (*ego*) и въ производномъ *и-же*, *ка-же*, *к-же* (срв. нѣм. *je* въ *jeder*, *jemand*, *jemals* и т. д.), а во второй указательная же частица *ди* однозначна съ Греч. *δέις*. въ смыслѣ *тѣс*, по Мельгорну, въ *οὐδέις* (*немо*), *δεν* въ выраженіи *οὐδέν ἐκ δειός γένοιτο*, *ὁ δειύх*, сиракуз. *ὁ δειύ* (чеш. *опзай*, *опзех*, слв. *онсица*, венгер. *izé*), хотя нѣкоторые отрицаютъ это, разлагая первое въ *οὐδέις*, а второе въ *οὐδέις*.

Впрочемъ *к-динъ*, *jeden* не можетъ быть непосредственно сравниваемо съ нѣм. *jeder*, потому что это противно аналогіи, по которой слв. *д* обращается въ нѣм. въ *т* (*t*) и на оборотъ нѣм. *т* въ слв. *д*, такъ что нѣм. *der* родственно съ чеш. *ten*.

Что *к-динъ*, *jeden* образованы отъ мѣстоименнаго корня, а не отъ именнаго или глагольнаго, доказывается его чисто мѣстоименнымъ склоненіемъ: *к-диноу*, *к-диноу*, какъ *того*, *оного*, *тоуо*,

онохо и т. д. (О различіи существительнаго и мѣстоименнаго склоненія см. *Počatky Staročcs. mluvnice vъ Wýboru z lit. české D. I str. 28, 76, § 28, 71*).

2. Два.

а. Слв. *дѣва*, ж. *дѣвь*, чеш. *dva, dve*. — литв. *du, dve*, лат. *divi*. — скр. *dvau, dvé*, зенд. *dva*. — греч. *δύω, δύο*. — лат. *duo*. — гот. *tvái*.

б. Слв. *оба* см. ниже.

Это числительное имя видимо родственно къ мѣстоименіемъ втораго лица, слв. и чеш. *ты*, литв. *tù*, скр. *tva*, зенд. *tú*, греч. *σύ* (др. греч. *τοῦν*), лат. *tu*, гот. *thu*. Это родство еще очевиднѣе въ скр. *tvas* (*alius, secundus*), произвед. отъ *tva* (*tu*), какъ лат. *tuus* отъ *tu* (въ такомъ же отношеніи стоятъ греч. *μῆα, ἡνα*, къ лат. *mea*, греч. *μόνος, ὀνυς, solus*, къ гот. *méins*, нѣм. *mein*): во всѣхъ прочихъ случаяхъ первоначальное острое *t* перецмо въ тупое *d*.

Числительное *дѣва*, какъ оно написано въ Остром. Ев., или *divi*, какъ оно переименовано въ литв. яз., сложено изъ двухъ элементовъ: *дѣ* и *ва*. Изъ нихъ первый, по своей материн, равняется, какъ было выше сказано, мѣстоименію втораго лица *ты*; другой же является въ двойств. ч. мѣст. какъ перваго, такъ и втораго лица, *ва*, жен. *въ*, ровно какъ и въ 1 л. глагола: *да-ва, дахо-ва*.

Мѣстоименіе *ты*, какъ по своей материн, такъ и по понятію, имъ выражаемому, родственно съ указательною частицею слв. и дрв. чеш. *тѣ, ten* (*ille*); а мѣстоименіе *ва* опирается на указат. частицу слв. и дрв. чеш. *овъ* (*hic*). По этому числит. *тѣва*, позже *дѣва*, образовалось посредствомъ соединенія (*synthesis*) двухъ элементовъ *ты* и *овъ* или *ва*, такъ что главный смыслъ заключается въ первомъ, а второй служитъ только къ означенію формы т. е. показываетъ отношеніе втораго лица (*ты*) къ первому (*ва*), что совершенно правильно.

Этотъ разборъ основывается на двусложности слова *дѣва*, литв. *divi*; но еслибы было справедливѣе разсматривать *ѣ*, какъ измѣненіе гласной *у*, причиненное окончаніемъ *а*, которое иногда, а именно въ существительныхъ именахъ, уже само по себѣ означаетъ двойственность, напр. слв. *человѣка, бока* и т. п., тогда бы нужно было принять за истину, что въ словѣ *два* совершенно соединеніе перваго и втораго лица только по понятію, а не по звуку, т. е. что *два* не означаетъ *одинъ и одинъ*, но только единицу, которая также непосредственно слѣдуетъ за первою и къ ней относится, какъ *ты* за *я*.

Что каждый изъ элементовъ, *ты* или *тѣ* и *ва* или *овъ*, самъ по-

себѣ выражаетъ понятіе двойственности, видно въ глагольныхъ формахъ: да-*ва*, да-*та*, гдѣ какъ *ва*, такъ и *та* выражаетъ понятіе двойственности или два, съ тѣмъ только различіемъ, что *ва* относится къ первому, *та* ко второму и третьему лицу.

Но я не могу доказать, что это *ва* сокращено изъ *два*, какъ вторый, *wtéru* изъ двиторый, *dwitéru* (срв. греч. δεύτερος) и скр. *vinsati* изъ *dvinsati* (20), лат. *viginti* изъ *dviginti*, греч. εἴηχι. атт. εἴηχοι изъ δεῖηχι и т. д.

Мѣстоименное происхожденіе числительнаго *два* объясняется тѣмъ, что оно склоняется по мѣстоименному склоненію; впрочемъ напр. род. и мѣст. мн. *двою*—*жену* и т. д.

3. Три.

Слв. три, чеш. *tri*. литв. *trys*, лат. *tris*. скр. *tri*, *traja*, жен. *tisar*, зенд. *thri*, *thrájō*. греч. τρεῖς, τρία.—лат. *tres*. гот. *thri*.

Каждому съ перваго взгляда представляется очевиднымъ родство этого числительнаго съ окончаніемъ сравнительной степени въ языкахъ индоевропейскихъ, скр. зенд. *tara* (напр. *pinjatara* отъ *pinja*, чистый), греч. *терос* (напр. σοφώ-терос отъ σοφός мудрый), лат. *terus*, сокращ. *ter*, которое находится только въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, напр. *uter*, *neuter*, *alter*, *ceterus*, *exterus*, гот. *thara*, *thar* на тѣхъ же мѣстахъ, напр. *hrathar* (кто изъ двухъ, *uter*), слв. *торъ* и *теръ* только въ мѣстоименіяхъ, напр. *летеръ* (*quidam*), *каторъ*, *кэторъ*, *ктеръ* (*quis*) и въ порядочномъ *вторый*, *wterý* вм. *двѣтерый* (*secundus*).

Если мы сравнимъ это окончаніе сравнительной степени *tara* съ окончаніемъ превосходной скр. и зенд. *tama* (напр. *pinja-tama*), лат. *timus* (напр. *in-timus*, *ex-timus*), греч. *τατος* (напр. σοφώ-τατος), убѣдимся, что то и другое сложено синтетически потому что слогъ *ta* во всѣхъ трехъ формахъ одинъ и тотъ же, только въ *τατος* онъ соединенъ самъ съ собою, въ *tama* съ *ta*, въ *tara* съ *ra*, и на этомъ различіи синтеза или соединенія основывается различіе между *tara* и *tama*.

Что касается до слога *ta*, то мы принимаемъ за истину, что онъ и здѣсь, какъ въ числит. *два*, гот. *dwai*, одного происхожденія съ указательною частицею *та*, изъ которой образовалось мѣстоименіе втораго лица *ты*. Первое и основное противоположеніе въ языкѣ есть отдѣленіе *я* отъ *нея* или *я* и *ты*, второе отдѣленіе 2-го лица, съ которымъ говорятъ, отъ 3-го, о которомъ говорятъ, и это отдѣленіе есть подраздѣленіе, подчиненное первому. Что различіе втораго лица отъ третьяго есть подраздѣленіе или что второе лицо раздѣлилось на два, второе и третье, доказательствомъ тому служить между прочимъ и то, что въ

древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ, санскритскомъ, зендскомъ, греческомъ и славянскомъ, второе и третье лицо въ двойств. числѣ обозначаются одною и тоюже приставкою т. е. *тѣ*; скр. въ наст. вр. *thas, tas*, въ прошед. *tam, tām*; греч. въ наст. *той, тоу*, въ проп. *тоу, туу*, слав. *та. биета, ходита, несета*. Такъ и повелит. накл. въ лат. спряж. имѣетъ во 2 и 3 лицѣ *t*: *amato moneto, jungito, capito*. Такъ какъ въ отличеніи 2 лица отъ 3 вся сила падаетъ на 2 лицо, какъ на единицу, вычтенную изъ остальной суммы, то естественно послѣдовало заостреніе, а слѣдов. и измѣненіе звука. Оттого въ нѣкоторыхъ языкахъ корень мѣстоименія 2 лица замѣтно переименовался въ выговорѣ, тогда какъ въ третьемъ лицѣ остался въ первоначальной своей чистотѣ и безъ всякой перемѣны; напр. греч. *су (tu)* и *тоу (is-tum)*. Тоже самое замѣчаемъ и въ числительномъ имени: во второмъ числѣ *t* перешло въ *d* (исключая готскаго языка), въ третьемъ осталось безъ перемѣны: *два (2)*, *три (3)*. Что же касается до втораго элемента т. е. *ra*, то въ ближайшихъ и наиболѣе извѣстныхъ намъ языкахъ индоевропейскаго племени въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ его не находимъ, но въ болѣе отдаленныхъ и менѣе извѣстныхъ языкахъ, именно въ георгіанскомъ или грузинскомъ (а слѣд. и въ другихъ кавказскихъ, ему родственныхъ, языкахъ) сохранился опъ вполнѣ не только въ коренной формѣ въ вопросительномъ *ra (quid?)*, но и въ производныхъ *a-ra (non)*, *ra-tha (ut, dass)*, *ra-me (aliquid)*, *ro-med (qui)*, *wi-tha-ri (quis?)*, *wi-tha-r (quomodo?)*, чѣмъ достаточно доказывается самостоятельность и первоначальное указательное значеніе этого элемента въ индоевропейскихъ языкахъ, потому что относительныя и вопросительныя мѣстоименія, какъ извѣстно, образуются изъ указательныхъ. Творецъ сравнительной грамматики считаетъ грузинское *ra* за измѣненіе грузин. *wi (quis?)* или скр. *ja*, что по моему убѣжденію совершенно неосновательно и бесполезно.

Наше *три* по своей формѣ есть множественное число сущ. жен. рода (какъ *кости* п-т. л.), съ чѣмъ случайно согласенъ грузинскій языкъ, который въ единственномъ числѣ имѣетъ мягкое окончаніе *i* въ словѣ *withari (qui?)*. Итакъ если въ числительныхъ *два* и *три* основной элементъ одинъ и тотъ же т. е. *тѣ ты (tu)*, то и синтезъ, какъ въ понятіи, такъ и въ звукахъ не различенъ. Въ словѣ *два* движеніе назадъ къ первому лицу выражается реально, но не обозначается звукомъ, развѣ если бы мы захотѣли принять *w* за указатель этого отношенія, что, какъ было сказано, не совѣмъ неумѣстно; въ словѣ *три* есть шагъ къ чему-то, лежащему за *тѣ, ты*, выражающему указательною чатияцею *r, ra*, и движеніе впередъ къ первому лицу, вовсе не

обозначенное, а только предположенное еще въ мысли, движеніе въполнѣ заключающееся въ синтезѣ числа *два*.

Что нѣкоторые какъ числительное *три*, такъ и окончаніе сравнительной степени *tara* производятъ отъ скр. корня *tr* (*transgredi*), откуда лат. *trans*, *terminus* и т. п., достаточно будетъ упомянуть вскользь; выводъ этотъ не находитъ подтвержденія въ нашемъ языкѣ, въ которомъ напротивъ зубнымъ скр. *tr* и лат. *trans* соотвѣтствуютъ гортанные *kr* въ *kročiti*, *kroz*, *skrz* и т. д.

За тѣми предѣлами, которыхъ не смѣетъ перейти историческое языкованіе, въ ту эпоху, когда глагольные корни и мѣстоименныя частицы составляли одно недѣлимое, могло и *tara* найдется въ нѣкоторомъ соотношеніи съ *tr*: но этого мы не хотимъ здѣсь ни подтверждать, ни отрицать.

Нѣкоторые полагаютъ, что окончаніе сравнительной степени *tara* служитъ къ означенію двойственности, напр. въ скр. *antaras* (*alter*) изъ *anjas* (*alius*), гот. *anthar*, греч. ἕτερος вм. ἑντερος, лат. *ceterus*. Но *antaras*, ἕτερος имѣло первоначально иное значеніе, по моему мнѣнію, и теперь только перенесено къ повятію *другой* (*secundus*).

4) Четыре.

Слв. *четыри*, чеш. *čtyři*, литв. *keturi*, лат. *četri*. скр. *čatur*, *čatvār*, ж. *čatasar*; зенд. *čatvār*. греч. τετταρες; эол. π'ουρες лат. *quatuor*. гот. *fidvōr*.

Въ нашемъ славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, очевидно происходящихъ отъ одного корня съ числительнымъ *четыре*, такъ что органический составъ этого слова, очень уже затемненный въ другихъ родственныхъ языкахъ, у насъ еще въполнѣ извѣстенъ. Такія слова суть: рус. *четь* (*par*), пол. *cetno* (*par*) въ выраженіи *cetno licha* (въ игрѣ, чеш. *lich suda*, рус. *четь* или *ночеть*, срб. *lijo ili tako*, *par impar*, *Grade oder Ungrade*), слв. *četa* (*agmen*, *cohors*), *četami* въ *съ-četami* (*conjungere*). Поэтому мы полагаемъ, что основной смыслъ, заключающійся въ словѣ *четь* или *četa* есть соединеніе, совокупленіе, сопряженіе двухъ предметовъ въ одинъ (срв. лат. *jugum* отъ *jungere*) Союзъ *wa* въ чеш. *četwooro*, *čtwero*, въ скр. и зенд. *čatvār*, лат. *quatuor*, гот. *fidvōr* очевидно скрытый, въ *четыре*, *keturi* и *теттаре* уже затемненный и въ скр. жен. *čatasr* вытѣсенный вставкою жен. *tisras* отъ *tri*, есть безспорно таже самая указательная частица *са*, *съ*, которая обыкновенно употребляется въ нашихъ языкахъ, какъ знакъ двойственности. Итакъ *četa* значитъ двѣ пары, двѣ четы (*duo joga*). Наконецъ окончаніе *ри* есть дальнѣйшее измѣненіе указа-

тельной частицы *ra*, какъ мѣра склоненія этого такъ сложнаго и въ недѣлимое синтетическое цѣлое сливагося корня.

Нашему *четъ*, *чета* въ смыслѣ *par* и *jugum*, вполне соответствуетъ венг. *két*, *kettő* (duo) и *kötni* (ligare), *kötet* (ligamen), также Нѣм. *Kette* (catena) и *Kitt* (lithocola, caementum), *kitten* въ *zusammenkitten* (vincere lithocola), съ правпльной обмѣнной гортаннаго *k* и шипящаго *ч*.

Но такъ какъ слова *четъ* и *четати* сами образованы уже изъ синтетическаго соединенія звуковъ *ч* или *k* и *t* (по аналогіи съ *чум*—чутити, *рюж*—рютити, *труж*—трутити, *шаж* *са*—шатати *са*, *куж*—кутити и т. д.), то должно въ разборѣ идти ступенью выше къ элементамъ недѣлимымъ. Первый изъ нихъ находимъ въ скр. *śi* (legere, colligere), второй есть извѣстное окончаніе причастія *t*, на пр. пить, мыть и т. д. Отъ этого многозначительнаго скр. корня *śi* (colligere, congregare, numerare, solvere, aestimare) происходятъ: глаголь *śrapajāmi*, сущ. *śajā*, *śit*, *śitja* (cumulus), сложныя *wiśi* (numerare), *apacīta* (expensus, solusas), *apacīti* (honor), *niśi* (mentem colligere, cogitare), удлиненный корень *śit* (cogitare), откуда *śintā* (cogitatio) и т. п. Ему соответствуетъ греч. *τίω*, *τίωω* (solvere, роenam luere, punire), откуда *τιμή* (роена, honor); Лат. *aestimare* (aes-tim-are) и наше слав. *чѣтъ*, *чѣту* (lego, numero, honoro), *число*, *числа* (numerus), *почѣтъ*, *почѣтъ* (numerus), *цѣна* pretium, срв. литв. *cena summa*, numerus, лат. honor, dignitas), *чѣсть*, *чѣсть* (honor), *чета* (agmen), *четати*, *сѣчетати* (conjugere) и т. д. (Другаго корня суть слав. *licii* numerare, и серб. *broj*—numerus, *brojiti* numerare, которому соответствуетъ чеш. *brojiti* tumultuari).

Итакъ въ нашемъ *чѣтъ*, *чѣсти*, *чѣтъ*, *чѣть* и т. д. основное понятіе—соединеніе (synthesis); слав. тоже самое должно заключаться и въ скр. *śintājami* (cogito) и *śintā* (cogitatio), словахъ, какъ мы видѣли, происходящихъ отъ корня *śi*.

Изъ всего этого мы видимъ, что числит. *четыре* основывается, первое изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ, на словѣ, выражающемъ понятіе *четъ* (par), образовавшемся изъ глагольнаго корня *śi* (colligere). Предшдущія *три* основывались на указательныхъ частицахъ *и*, *т*, *с*, *р*, какъ непосредственныхъ звуковыхъ истолкователяхъ воззрѣній дѣха, наглядно представившаго себѣ формы пространства.

О происхожденіи разности въ произношеніи этого числительнаго въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ, напр. греч. *τέτταρες*, гот. *fidvdr* и т. д., я не буду распространяться: опытный филологъ можетъ самъ себѣ объяснить, не требуя нашей помощи, а только что начинающаго мы отсылаемъ

къ другимъ сочиненіямъ, особенно къ сравнительной грамматикѣ Фр. Боппа.

Иные производятъ *четыре*, скр. *čatur*, отъ скр. *ča* (греч. *kai*, лат. *que*) вм. *ка*, собственно относительнаго (первоначально указательнаго) мѣстоименія, употребляющагося въ смыслѣ *одинъ* въ скр. *eka*, греч. *ἐξἄτερος*, и *три*, такъ что *ča-tur*, *че-тыри* = 1+3. Однакожъ это объясненіе не естественно.

Въ евр. *'arbāgdh* безъ сомнѣнія отъ *rab* (*multus, magnus*), откуда и *rābab* (*multitudo*) и *rbābdh* (*μῆρος, 10000*), выражается идея размноженія, увеличенія. Венгер. *négy* (*quatuor*) отъ одного корня съ *nagy* (*multus*). Въ обоихъ этихъ языкахъ основаніемъ числительнаго *четыре* служитъ слово, выражающее понятіе, а не указательная частица или мѣстоименіе.

5. Пять.

Слв. *пять*, чеш. *pět*, литв. *penki*; лат. *πέσι*. скр. *pancaṇ*, зепд. *panṣan*. греч. *πέυτε*, дрв. *πέμπε*, лат. *quinque*. гот. *fimf*.

Наблюденіе, что рука, т. е. счетъ пальцевъ на ней, служитъ основаніемъ системы счисленія въ весьма многихъ языкахъ, въ которыхъ образованіе числительнаго имени яснѣе, чѣмъ въ нашихъ индоевропейскихъ, привело естественно этимологовъ къ мысли о родствѣ между скр. *pancaṇ* (5) и *pāni* (рука). Мыслие это, прекрасное само по себѣ и идущее къ дѣлу, получаетъ опору изъ нашего богатаго и организованнаго языка въ ожиданіи блестящаго подтвержденія.

Наше *пять*, первоначально *панти*, потомъ измѣненное и сокращенное въ *пять*, по формѣ сущ. собирательное жев. р., подобно прочимъ числительнымъ до *десяти*, съ перваго взгляда обнаруживаетъ родство со словами *пядь* (*spithama, Spanne*) и *пасть* (*pugnus, Faust*), которыхъ корень и вѣтви находимъ въ глаголь *пнж*, въ скр. *sphā, sphā*, откуда *sphājāmi* (*extendere, discere*), также въ кор. *sphaṇ* съ приставкою *r*, откуда *pharparika* (*spithama*), въ перс. *penē* (*pugnus*), въ греч. *σπῆς*, откуда *σπίδαμι*, въ лат. *pando*, откуда *spatium*, въ гот. *Spannan*, въ нѣм. *Spannen*, откуда *Spanne*, и въ иныхъ подобныхъ словахъ. Въ словѣ *пасть* (*pugnus*) *s* есть такая же вставка, какъ и въ словѣ *пѣстунъ* (*paedagogus*) отъ *питати* (*alere*), *мѣсто* (*locus*) отъ *мѣтати* (*jacere*), *ронеге* срв. Лот. *mitu, habito*), *пѣстья* (*praefurmium, focus*) отъ *пѣтити* (*accendere*), *вѣсть, повѣсть* (*puncium, fama*) отъ *вѣтити* (*loqui*), *лупнъ* (*squama*) отъ *лунати* (*decorticare*), и луж. *corstale* вм. *чрътало* (*culter aratri*) отъ *чрътати* (*incidere*) и т. д.

Поэтому основаніемъ числительнаго *пять* служитъ понятіе пальцевъ руки, вмѣстѣ вѣтыхъ и сжатыхъ въ кулакъ (*пасть*,

перс. *penš*, *pinguis*. *manus compressa*), чему новое окопчателъное доказательство увидимъ ниже, при числѣ *шесть*.

Подобно въ евр. *chamš* или *chamš* (5), первоначально тоже что пастъ, отъ слова *kaf* (*manus*), а это послѣднее отъ *qulmez* (*carere*. *pehmen*).

Примѣры изъ другихъ языковъ, въ которыхъ оба понятія, *рука* и *пять*, обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, мы привели уже выше; напр. бразил. *рô*, мал. *lîna*, мекс. *та*, тур. *el* и т. д.

О достойномъ вниманіи греч. выраженіи *πεμπάζειν*, т. е. (на пальцахъ) *считать* отъ дрв. греч. *πέμπτε* вм. *πέυτε*, было уже выше сказано.

6. Шесть.

Слв. шесть, чеш. *šest*. литв. лтш. *šėši*. скр. *šāš*, зенд. *kvas*. греч. *ἕξ*. лат. *sex*. гот. *saihs*. евр. *šēš*.

Слово, которымъ означается понятіе *шесть* въ языкахъ индоевропейскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма отдалилось отъ первоначальной своей формы и измѣнилось.

Можно съ достовѣрностію предполагать, что первоначальною формою была *sakš*, съ которой лат. *sex*, въ произношеніи *seks*, греч. *ἕξ*, въ произношеніи *heks*, древнезендское *haksu*, въ мн. ч. *haksvas*, сокращ. *kvas*, гот. *saihs* гораздо ближе стоитъ, чѣмъ наше *шесть*, скр. *šāš*, лит. *šėši* и само евр. *šēš*, уже очень измѣненныя смягченіемъ гортаннаго *k* въ шипящую *ш* (о переходѣ *k* въ *š* и наоборотъ *s*, *š* въ *k*. см. *сâs XXI roč sw. I, str. 37 sld*).

Открытіемъ первоначальной формы *šakš*, за что мы обязаны благодарить остроумнаго Бенфея (*Benfey*), объясняется близкое родство этого слова съ нашимъ старославянскимъ, во всѣхъ трехъ южныхъ нарѣчіяхъ—сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ, употребляющимся до настоящаго времени словомъ *šaka* т. е. горсть (*vola, hohle Hand; manipulus, Handvoll*), которое само безъ сомнѣнія происходитъ отъ одного корня съ скр. *šac*, *desider. šakš* (*jungere*).

Итакъ, теперь ясно отношеніе числительнаго *шесть* къ непосредственно предшествующему *пять*: оно ступенью или единицею выше нежели пять, какъ *šaka* (горсть) т. е. рука или длань съ распростертыми и нѣсколько загнутыми пальцами, приспособляемая взять или обхватить что нибудь, больше *писти* т. е. руки сжатой.

7. Семь.

Слв. семь, чеш. *sedm*.—литв. *septyni*, лтш. *septini*. скр. *saptan*, зенд. *haptan*. греч. *ἑπτα*. лат. *septem*. гот. *sibun*. евр. *šeba*.

Первоначальное значеніе этого числительнаго давно уже потеряно во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ: сравненіе съ семитическими языками, особенно евр. *šeba*, ведетъ къ евр. *šaba* (*jugare*), откуда и *šabat* (*dies sacramenti, sacrificii, sabbatum*). Поэтому *šaba* первоначально, какъ кажется, значило только присяга, святость, посвященіе (*sacramentum, sacratio*), но потомъ оно было перенесено, что весьма обычно и естественно, къ означенію числа, которое чаще всего употреблялось при св. обрядахъ т. е. *семь*, напр. семь жертвенныхъ животныхъ, семь сибѣильниковъ и т. д. Извѣстно, что число *семь* отъ начала исторіи рода человѣческаго считалось св. числомъ. Кому бы эта метафора показалась смѣлою и невѣроятною, тотъ пусть обратитъ вниманіе на первоначальное и буквальное значеніе словъ чеш. *tyden*, рус. и серб. *недѣля* (*hebdomas, septimana*, слв. седмица, илл. *sedmica*) и т. д. и на нынѣшнее ихъ значеніе.

Иные изслѣдователи считаютъ корнемъ словъ *sapta, septem, ἑπτα* скр. *sap* (*nectere*), которое по ихъ объясненію сложено изъ скр. *sa* или *saha* и *ap*, и утверждаютъ, что лат. *cop* въ *copula* родственено ему, чего мы не допускаемъ (греч. *ἄπλω* однокор. съ скр. *saç*).

Въ нашемъ *седьмь*, какъ каждый видитъ, коренное *n* выпало и острое *m* перешло въ тупое *d*. Въ гот. *sibun*, нѣм. *sieben* выпало *m*.

Окончаніе *m* въ нашемъ *седьмь*, *осьмь* и въ лат. *septem, novem, decem* кажется появилось вмѣсто первоначальнаго *n*.

Иные думаютъ, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія, что въ *saptamas* (*Septimus*) *ma* есть суффиксъ порядковыхъ числительныхъ. Едвали это такъ.

8. *Осмь*.

Слв. *осьмь*, чеш. *osm*. литв. *aštūni, aktoints* (*octava pars*); лот. *astoni*. скр. *aštāu, aštan*; зенд. *astan*. греч. *ὄκτω*. лат. *octo*. гот. *ahtāu*.

Въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ, а именно: въ скр. *aštan*, греч. *ὄκτω*, лат. *octo* и гот. *ahtāu*, числительное *осьмь* очевидно имѣетъ окончаніе двойственнаго числа. Это замѣчается и въ языкахъ семитическихъ, яспѣе всего въ арабскомъ, также въ эіопскомъ, самомъ отдаленномъ изъ нихъ.

Такъ какъ *четыре* удвоенное составляетъ *осьмь*, то необходимо предположить, что въ словѣ *осьмь* скрывается корень слова *четыре*. Мысль эту по справедливости могъ бы считать простою грёзою каждый, кто только бы сравнилъ слв. *четыре* съ слв. *осьмь*: но если поставитъ литв. *ket-urī* и лат. *quat-uor* рядомъ съ литв. *a-kt-*

ainis, греч. δ-κτ-ω и лат. *o-st-o*, тогда возможность соединенія ихъ сдѣлается вѣроятною и понятною. Ядро обоихъ словъ, *ket* и *kt*, чего нельзя отвергнуть, одно и то же: все различіе состоитъ въ измѣненіи звуковъ и въ приставкахъ. Переходъ гортаннаго *k* въ шипящіе *ч*, *ш* и въ свистящій *с* совершенно правиленъ и намъ уже извѣстенъ (См. ѡб. XXI гоѡн. sw I, str. 37 sld). Сильное измѣненіе и окончательное затемнѣніе корня неминуемо ускорено приставкою *a*, которой значеніе до сихъ поръ еще загодично. Если же въ скр. *aštau* и т. д. окончаніе *и* или *у*, сравнительно съ латин. *octavus*, принадлежитъ къ корню (*čatva*, *četva*), то признакъ двойственнаго числа *va* слился съ окончаніемъ корня (который и самъ первоначально означалъ двойственность, срв. *четыри*), что вознаграждено символическимъ означеніемъ двойственности спереди слова т. е. приставкою *a*, вѣроятно тою же самою, которая символизируетъ въ аор. минувость т. е. исполненіе и какъ бы удвоеніе времени, и во множествѣ греческихъ словъ, напр. ἀδελφοί (*fratres*) отъ δελφός (*uterus*), ἄλοχος (*conjux*) отъ λέχος (*lectus*), ἀχοίτης (*maritus*) отъ χοίτη (*subile*) и т. д. соединеніе, совокупленіе, а тѣмъ самымъ какъ бы удвоеніе.

Насъ не должно приводить въ заблужденіе то обстоятельство, что окончаніе корня *p* въ *четыри*, скр. *čatwds*, *čatas*, здѣсь отброшено; оно отпало и въ скр. *čatus* вм. *čaturš* (наоборотъ въ лат. *quater* вм. *quaters*), будучи вообще приставкою исчезающею, непостоянною.

Попытки нѣкоторыхъ ученыхъ объяснить это числительное производствомъ или отъ вымышленнаго корня скр. *as* (*dividere*), по сравненію съ *ansa* (*pars*), или отъ нѣм. *Ecke*, потому что чаще всего встрѣчаются четырехстороннія или четверичныя призмъ съ осмью углами (*Ecke*) и т. д. мы проходимъ молчаніемъ, какъ простое хватаніе съ вѣтру, безъ всякаго прочнаго основанія.

9. Девять.

Слв. девять, чеш. *dewět*. литв. *dewyni*, лот. *dewini*; по старопрус. *nevinis*. скр. и зенд. *naván*; греч. *ἑννία*. лат. *novem*. гот. *niun*.

Что въ нашемъ слв. *девятъ*, а подобно ему, и въ литв. *dewynis* первоначальное поднебное *n*, находящееся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, вытѣснено изъ своего мѣста позднѣйшимъ зубнымъ *d*, доказывается старопрусскимъ (нарѣчіе литовскаго языка теперь уже вымершее) *nevinis*, сохранившимся по счастливому случаю. Этотъ переходъ *n* въ *d* находимъ въ срб. двойныхъ *kon*, *nakon* и *kod* (*penes*), *ustane* и *ustade* (*surrexit*),

dasó. греч. εἰδεκα.—лат. undecim.—гот. áinlif.—в) слав. двадесать, чеш. dwacet.—литв. dwidešimit; лот. diwidesimit.—скр. vinsati; эנד. visaiti.—греч. εἴκοσι, дрв. ēwaxti.—лат. viginti.—гот. twáitigus.

Если мы примемъ догадку за истину, что корень этого числительнаго въ первоначальной формѣ былъ *дак* или *дек*, такъ что *das* или *des* есть правильное его измѣненіе, происшедшее отъ перехода гортаунаго *k* въ свистящее *s*, и если обратимъ вниманіе на выраженіе рукою, какъ основаніе всѣхъ извѣстныхъ системъ счисления, то найдемъ въ языкахъ иудео-еврейскихъ немало число словъ явнаго родства съ нашимъ корнемъ. На первой ступени находятся: Скр. *dakṣas*, *dakṣina*, перс. *dest* (*manus*), греч. δεξιός, δεξιτερος; лат. *dexter*. гот. *taih-sob*, слав. *деснъ*, *десница* (чеш. *prawy*, *prawice*); на второй и на дальнѣйшихъ ступеняхъ скр. *dis* (*monstrare*), греч. δάκτυλος, δείχομαι, δείχομαι, δεχομαι, лат. *digitus*, *dicare* въ *indicare*, гот. *teihan* (*nunciare*, *dicere*, *zeigen*); слав. *удесити* или *удосити* (*occurre*, *antreffen*), *дестъ* (*liber chartae*, срв. франц. *une main de papier*) рус. *досугъ* (*otium*, *Musse*) и т. д. Глаголь *удесити*, *удосити* читается не рѣдко въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ самыхъ извлеченіяхъ изъ нихъ у Карамзина (5).

Родство этихъ словъ съ числит. *десать*, касательно языковъ скр., греч. лат. и готскаго давно признано всѣми дѣльными филологами, что же касается нашего славянскаго языка, то оно для теоретика здравомыслящаго, непредубѣжденнаго основательно, чтобъ не сказать истинно само по себѣ.—Но касательно генетическаго происхожденія корня *дак* или *дек* и равнаго ему *das* или *des*, дѣло не можетъ быть до сихъ поръ положительно рѣшено.

Два противоположные пути избирали изслѣдователи къ рѣшенію этой задачи. Одни утверждаютъ, что *dek* или *des* есть простой, несложный корень, тождественный съ скр. *dis* (*monstrare*), и что первоначально онъ означалъ руку и именно правую; отсюда *десать* тоже, что указаніе т. е. движеніе правою рукою при десятиричномъ счетѣ. На высшихъ мѣстахъ, въ скр. *vinsati* (20), *śaśti's* (60), лат. *viginti* и т. д. корень этотъ сокращенъ и затемненъ отпаденіемъ *de*, *des*. Въ этомъ случаѣ слово *десити*, *уд:сити* точно также относится къ слову *десница*, *десный*, какъ лат. *monstro*, *causat*. *moneo*, греч. δεινῶ къ лат. *manus*. (Наше слав. *рука*, чеш. *ruka*, литв. *rankà* объясняется изъ литв. *rinkti* (*colligere*).

Другіе полагаютъ что слово *десать* сложное, что по этой причинѣ повода къ наименованію должно искать въ составныхъ его частяхъ, и что слова *десный*, *десница* и т. д. образовались уже позже, перенесеніемъ корня *дес* къ означенію руки. Чтобъ мы

могли этотъ способъ объясненія вполне понять и правильно одѣлать, должно идти выше и разсмотрѣть цѣлый рядъ высшихъ единицъ, опирающихся на словъ *десять*, какъ основаніи десятиричной системы. Такія слова суть: *двадцать* (20), *сто* (100), *тысяща* и *тысяца* (1000); литв. *dvidešimti* (20) *šimtas* (100), *tūkstantis* (1000); скр. *vinsati* (20), *śatam* (100). зенд. *visaiti* (20) *s'ata*, *s'atem* (100); греч. *ἑξῆς* вм. дрв. *ἕκῃσι* (20), *τριάκοντα* (30) *ἑκατόν* (100); гот. *tvāitigus* (20), *saihtēhund* (60), *taihuntēhund* (100), *thāzundi* (1000) и т. д. Если мы исключимъ слв. и литв. формы *двадцать*, *dvidešimti*, также готскія двойныя *tvaitigus* и *saihtēhund*, увидимъ, что во всѣхъ прочихъ числит. *десять* является въ новой формѣ, а именно скр. *s'ati*, зенд. *s'aiti*, греч. *κοιτα*, лат. *ginti*, *ginta*, и догадка, что *десять* могло быть сложено изъ *два* и *самъ*, представляется сама собою. Тутъ намъ прійдетъ на встрѣчу гот. *saihs-tēhund* (60), *sibun-tēhund* (70), *ahtān-tēhund* (80), *niun-tēhund* (90), *taihun-tēhund* (100), въ которыхъ во всѣхъ *tēhund* тоже что *taihun* или первоначальное *tai-hund*, а это очевидно сложено изъ *twai* (duo) и *hund* (manas). 6) Последнее слово происходитъ отъ корня *hinthan* (сарере), отъ котораго образовано и *hunds* (canis, quia ferax captat), и съ которымъ родственно лат. *prehendo*, правильнѣе *praehendo*, греч. *ῥέγντο* у Гомера (*ἔλετο*, *cepit*), *χρηδάειν*, слв. *смагати*, чеш. *sahati* (contingere) *смажень*, чеш. *sáh*, мор. слк. *sáha* (orgua, hexapeda).

По этому наше *десять* было бы сложено изъ *два* и *самъ* и значило бы тоже что *dwa sahy* т. е. два обхвата, двѣ горсти (*zwei Griffe*), подобно гот. *tai-sund*—*zwei Hände* (*zwee Hent, zehend, zehen*).—Другая готская форма *tigus*, замѣчу мимоходомъ, вѣроятно переначена и сокращена изъ *tvai* и *gund*, вм. *hund*, такъ что *gus* равняется греч. *κοσι* въ *ἑκοσι* (вмѣсто первоначальнаго *δρα-δέκοσι*, какъ скр. *vinsati* вм. *dvīn-da sati*, лат. *viginti* вм. *dvī-de-ginti*). Срв. н. нѣм. *Stiga*=20 и нѣм. *Stiege*.

Что въ высшихъ числахъ, происшедшихъ чрезъ соединеніе основнаго десятка, сокращеніе весьма употребительно, подтверждается всѣми до сихъ поръ разсмотрѣнными языками, чеш. *dwacet*, произошло изъ *dwadset*, а это изъ *dwadeset jedendot* изъ *jedenpadeset*, въ санскритѣ въ формахъ *śas-tis* (60), *śapta-tis* (70), *ās-tis* (80) и *nava-tis* (90) сверхъ того еще и самъ корень *sati* раздробленъ, такъ что осталось изъ него одно *tī*, подобно тому, какъ во франц. въ *on-ze*, *douze*, *trei-ze* и т. д. сохранилось только *ze* изъ *deset*. Согласно съ этимъ объясненіемъ, представленнымъ Лепсіемъ и достаточно согласнымъ съ духомъ славянскаго языка и организмомъ нашего числительнаго, должно принимать слова, каковы *десный*, *десница*, *удесити* или *удосити*, *дестъ*, *досугъ* и

т. д. скр. *dis* (*monstrare*), *daksas*, греч. δεξιός, δάκτυλος лат. *dexter*, *digitus*, гот. *taihsud* и т. д. уже за вторичный плодъ изъ той позднѣйшей эпохи всеобщаго, еще нераздѣливагося индоевропейскаго языка, въ которую составъ слова *десять* совершенно затемнился и корешь *des*, *dis* сталъ считаться простымъ, несложнымъ. Примѣровъ такого выростанія новыхъ корней изъ сложныхъ словъ темнаго образованія индоевропейскіе языки представляютъ много, но мы не хотимъ на нихъ останавливаться. Въ этомъ случаѣ языкъ уподобляется извѣстному растенію, индійской смоковницѣ, которая погружаетъ въ землю около себя свои вѣтви, и они въ свою очередь даютъ корни, изъ которыхъ вырастаютъ новые стволы, совершенно похожіе на первые и отличающіеся отъ нихъ только позднѣйшимъ образованіемъ и отдѣленіемъ.

Этому объясненію нѣсколько противорѣчитъ то, что *десятица* (предметъ конкретный) заимствуетъ свое имя отъ числа *десять* (понятія абстрактнаго), но сотни подобныхъ примѣровъ находятся въ языкахъ наиболѣе извѣстныхъ (между прочимъ срв. дрв. чеш. *дваку*, два пальца, которые кладутъ во время присяги на св. предметъ, сокращ. изъ *dwajáky*, или по обыкновенному переходу *j* въ *h* *dwaháky*), и еще недавно многіе филологи (Бонпъ и Поттъ и др.) не считали невозможнымъ, чтобъ скр. *páni* (*manus*) получило свое имя отъ числа *panĉan*, лат. *dextra* отъ *decem* и т. д. а не на оборотъ.

Форма числительныхъ *пять*, *девять*, *десять*, по мнѣнію гѣ-которыхъ изслѣдователей, есть причастная, таже самая, которую мы находимъ и въ нашихъ существительныхъ именахъ на *а*: *дѣвчѣ*, *отроцѣ*, *виучѣ*, род. *дѣвчатѣ*, *отрочатѣ*, *виучатѣ* и т. д. Въ числит. *шесть* приставка *т* явилась позже вслѣдствіе простаго подраженія числамъ *пять*, *девять* и *десять*. Въ санскритѣ и другихъ родственныхъ языкахъ болѣе полныя формы нежели слав. *девять*, *десять*, а именно *navanti*, *dasanti*, не составляютъ позднѣйшее явленіе: напротивъ аналогія велитъ принять ихъ за основныя. Изъ высшихъ десятичныхъ чиселъ здѣсь будутъ особенно разсмотрѣны только *сто* и *тысяча*: прочіе сами собой въ этимологическомъ отношеніи ясны и вразумительны.

а) Слав. *съто*, чеш. *sto*. литв. *simtas*, лот. *simts*. скр. *satam*. зенд. *satem*, *sata*. греч. ἑξήκον. лат. *centum*. гот. *taihuntehund*. осетинское *sadda*.

Въ готскомъ *taihuntehund*, что значить двѣ руки умноженныя на двѣ руки (т. е. *tai* и *té* = двѣ, *hund* вм. *hand* = рука), вполне выраженъ поводъ къ наименованію. Но въ дальнѣйшемъ счетѣ въ готскомъ языкѣ употребляется простое *hunda* въ смыслѣ *сто*;

напр. *two hunda* (200) Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ *сѣто*, *simtas*, *satam*, *saletm*, *ἑκατόν* и *centum* отличается, отъ основнаго *самъ*: *simli*, *sati* или *santi*, *ххт* и *сет* или *genti* вм. *centi* только слабымъ видоизмѣненіемъ корня, окончаніемъ и началомъ, чѣмъ оно какъ бы приспособлено къ выраженію высшаго десятка; въ слав. *сѣто* носовой звукъ *ѣ* перешелъ въ *ѣ*, въ чеш. *sto* совсѣмъ исчезъ (подобный переходъ *сж* въ *сѣ*, *глубокъ* въ *гльбокъ* и т. п.); окончаніе *о* равняется скр. *am*, греч. *ου*, лат. *um* сред. рода; напр. *ζυγόν jugum* *ио*, *vinit* *вино*, *granit* *зерно* и т. д.

Что касается до этимологическаго разбора этого слова, то здѣсь ниѣтъ силу все, замѣченное нами о славѣ *десять*.

Кто въ словѣ *десять* признаетъ *dec* за простой и первоначальный корень, тотъ принимаетъ въ славѣ *сѣто* отпаденіе кореннаго *de*. Кто напротивъ того слово *десять* считаетъ сложнымъ изъ *два-самы* т. е. двѣ горсти, тотъ принимаетъ исчезновеніе первой половины т. е. *два*.

в) Слав. *тысяща*, *тысѣща*, срб. *tisutja*, чеш. *tisic*. литв. *tukstantis*; лот. *tukstots*. гот. *thūsundi*. (Въ прочихъ иначе: скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra*, греч. χίλιοι, лат. *mille*).

Поводъ къ наименованію затемненъ сокращеніемъ и слатіемъ составныхъ частей слова: должно раздѣлить *тысяща* на *ты-сѣща*, *tukstantis* на *tuk-stantis*, *thūsundi* на *thū-sundi*, и первую часть разсматривать, какъ сокращенную форму изъ *десять*, *dešimt* (первонач. *dekimt*), *taihun*, а вторую какъ измѣненіе *santi самы*, *hundi* въ смыслѣ *сто*. Большая опредѣлительность и самостоятельность слова достигается и здѣсь только легкимъ видоизмѣненіемъ и какъ бы обновленіемъ корня: у насъ *ѣ* вм. *ѣ*, хотя есть и *тысяща*, у литв. *ú* и *k* вм. *s*; или только особеннымъ, удлиненнымъ мягкимъ окончаніемъ: срб. *ty-sulja*, блг. *тысѣща*, преобразованная и измѣненная форма вм. *тысѣтжа*, *тысѣтѣ* (См. Časop. гош. XXI, sw. I. Str. 62).

Иные производятъ это слово отъ лот. *tūkt*, *tūkst* (tumere слав. *тыж*, *тыти*), чего мы не можемъ допустить.

Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ число *тысяча* означается иными словами, которымъ не родственны съ нашимъ: греч. χίλιοι, лат. *mile* или *mille*, скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra* и т. д.; но здѣсь мы не можемъ заняться разысканіемъ о поводѣ къ ихъ наименованію и первоначальному значенію.

Припомнимъ только, что лат. *mile*, *mille* обыкновенно сблизаютъ съ *multus*, баск. *mola* (*multitudo*) и греч. *μυριοι*, и что скр. и зенд. *sahasram* и *hazanhra* распространены и въ языкахъ турецкихъ, монгольскихъ и финскихъ (Срв. венгер. *ezer*).

II. СобираТЕЛЬНЫя и ДРУГІя.

До сихъ поръ мы перечли и разобрали, на сколько намъ было можно, основныя числительныя нашего славянскаго языка, на которыхъ зиждется вся система счисления у нашего племени; теперь намъ должно обратить вниманіе на нѣкоторыя другія, какъ бы отдаляющіяся отъ первыхъ и употребляемыя рѣже и въ болѣе ограниченномъ смыслѣ.

Разобравъ первыя довольно пространно, бросимъ только бѣглый взглядъ на послѣднія. Сначала рассмотримъ тѣ, которыя близки по своему понятію къ основнымъ и которыхъ большіи отдѣлы обыкновенно называютъ *собираТЕЛЬными*, а именно: *самъ, полъ, оба, десть, сорокъ, мѣра, копа, тѣма, ликъ* или *лика*; потомъ *порядковыя*, каковы: *первый, второй, другой*; наконецъ сложныя и раздѣлительныя, какъ въ формѣ прилагательныхъ, такъ и въ формѣ нарѣчій, а именно: *дучь, násoben, губъ, пать, падь, sbvuk, кратъ, жды, щи* и т. д.

Первое изъ нихъ, *самъ*, есть мѣстоименный корень, только образно перенесенный къ опредѣленному означенію понятія единичности; напр. *sám. jeden, sám jediný, samotén* и т. д. Сюда принадлежитъ скр. *sama* (aequalis, similis), откуда *sámi* (semis) т. е. ровная часть, Лат. *semel, simplex, semi*, греч. *ἄμα* (simul, cum), ἴμ, нѣм. *samt*, чеш. *sames, samice*, слав. *съ*, сокращ. *съ*, чеш. *sau*—п *s* (лат. *cum*, греч. *σύν*), главные предлоги для означенія понятія совокупленія, *соединенія* и мн. др.

Глубшимъ вникнутіемъ въ основу индоевропейскихъ языковъ уже давно разложено слово *sama* на двѣ мѣстоименныя частицы, изъ которыхъ каждая служитъ къ означенію единичности: на *sa*, греч. *ἰ*, напр. въ *ἰ—παῖς*, и *ta*, напр. въ *ταῖς, τόπος*, о чемъ достаточно будетъ только упомянуть.

Полъ, одна изъ двухъ разныхъ частей, сравнивается съ производными словами *police* (armatia), *полно* (segmentum lignosum, lignum ad focum fissum) и *палица*, рус. *палка* (baculus), рус. *палаха*, чурбанъ изъ толстаго дерева на двое расщипленный, лат. *palus*, нѣм. *Pfahl* и п. др. Означаетъ также сторону, напр. обѣ онѣ *полъ* рѣки, т. е. на той сторонѣ рѣки, — и родъ: мужской *полъ*, женскій *полъ* т. е. мужской родъ, женскій родъ. Слово весьма древнее (уже въ венгер. яз., чудскаго поколѣнія, *fele*=полъ, dimidium.) темнаго, загадочнаго происхожденія: скр. *phal* (dissecari, соб. gupri) не принадлежитъ ли къ одному корню съ нашимъ *пльнъ*? Если родственны слав. *поле*, лат. *planus*, — то поводъ къ наименованію

заключается въ *ровности* (planities) касательно поверхности предмета. —

Оба, ж. обѣ, литв. *abbi*, лот. *abbi*, жен. *abbas*; скр. *kbhau*, зенд. *uḅa*, *uḅé*; греч. ἀμφί; лат. *ambo*; гот. *bái*, *ba*, *bajōths*. Родственно съ предлогомъ сѣв рус. чеш. *объ*, напр. *ob druhau stranu* (ex adverso), *ob rok ob den*, *ob noc*. (alternis annis, diebus, noctibus); греч. ἀμφί; лат. *ambie*; (напр. *ambedere*, *amburere*, *Ambidravī* отъ *Dravus*, *Abisones* отъ *Sontius*) гот. *bi*, древнѣм. *umbi*, нѣм. *ut*. вт. *umb*. и т. д. Что *оба*, *ambo* сложено изъ двухъ указательныхъ частицъ, изъ *a* или *am* и *ba* или *bo*, объясняется изъ сравненія съ синтетическими (имѣющими многосложныя слова) языками и подтверждается самостоятельнымъ употребленіемъ словъ *bái*, *ba* (*ambo*) и *bi* (*ambi*) въ готскомъ языкѣ. Я полагаю, что и зенд. *bitja* (*secundus*) лат. *bi-cerps*, *bis*, *binus* гораздо естественнѣе производить непосредственно изъ частицы *ba*, нежели изъ *dva*, *duo* (т. е. потерю зубнаго *d* и отверженіемъ губнаго *w* въ *v*). На первомъ мѣстѣ форма *am* вѣроятно уже позже получила характеръ носоваго звука, подобно скр *vinsati*, лат. *quadringenti* и т. д. и простое *a* вѣроятно есть символическое означеніе двойственности, подобно *a—stau* (*osto*).

Десть сѣв. рус. срб. тетрадь бумаги (24 листа), такъ сказать «рука бумаги» (срв. франц. une main de papier) отъ корня *десный десница*, о чемъ было сказано выше при словѣ *десять*.

Сорокъ рус. тоже, что *четыредесятъ* (чеш. *stýřicet*), изъ новогреческаго *σάρκοιτα*, а это послѣднее изъ древ. греч. *τεσσαρκοῦτα*. Уже у древнихъ *τρίπεζα* вш. *тетраπέζα*. Въ болгар. нар. начальныя *to* и *de* именъ греческихъ часто отбрасываются, напр. *Меа*, нынѣ *Mangrad*, вм. *Tomea*, *Tomi*; *Pigus*, нынѣ *Boár Kalesi* вм. *Topigus*. *Welta* вм. *Develtus* или *Debeltus* и т. д.

Мери у Словаковъ сорокъ въ просторѣчій, напр. *Kúpil meru wajes* (купилъ сорокъ яицъ),—есть сѣв. *мѣра*, чеш. *mira* (*mensura*, *Maas*).

Кора у Чеховъ, *Kára* у Литовцевъ, *Kars* у Лотышей, *шестьдесятъ* (нѣм. *Schok*); впрочемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ *кор*, *кора*, *кира* означаетъ тоже, что *куча* (*simulus*), литв. *kaucas*, лот. *kdra*, лат. *coria*, *simulus*, нѣм. *Hausen*, швед. *кор* и т. д. Корень тотъ же, что и въ скр. *śarajāti* т. е. *ci* (*colligere*). И сѣв. *кыпина* (*rubas*), пол. *кѣра*, *kerina*, (*frutex*; *insula in fluvio*, *Werder*) и т. п. непремѣнно принадлежать сюдаже не смотря на то, что въ нихъ носовой звукъ *ж*, *с*.

Сѣв. *тѣма* (μύριοι, 10.000) тоже что *тѣма* *мракъ* (*tenebrae*). Рус. *туманъ* (*nebula*) первоначально было одинаковаго значенія

съ словомъ тѣма, и заимствовано въ этой формѣ отъ Татаръ; срв. мандж. *tome* (omnis), *tumen* (10.000), татар. *tuman* (nebula). Мракъ, облако и т. п. употребляются въ весьма многихъ языкахъ, какъ образное представленіе множества; срв. *νέφος* *μητρύων* (*testium nubes*) Евр. XII, I, «*patriarchū a prorokuw oblak weliky*» *Bratvi*. И греч. *μίρον* родственно съ *μηρός* (*niger*), хотя нѣкоторые сравниваютъ его съ лат. *mille* и *multus*, а другіе съ скр. *dhuri* (*valde multum*).

Ликъ у насъ въ двоякомъ смыслѣ: а) рус. срб. *ликъ*—образъ, видъ (*species*), удлиненное слв. чеш. пол. хрв. блг. *лице* (*facies*). б) мрус. пол. сѣк. *лік*—число (*numerus*), слав. *ликъ* (*chorus*), сѣк. *oblik* (*rationes*), литовскорусское и словацкое *liciti* (*computare*); у литовцевъ *lika* въ числахъ отъ 11 до 19 тоже, что десять: *wienolika* (11), *dwylika* (12), *trylika* (13) и т. д. Это *лік* или *lika* многоуважаемый творецъ сравнительной грамматики слишкомъ отважно, по моему мнѣнію, основывая на возможности перехода согласныхъ действительность его, производить вмѣстѣ съ гот. *lif* вм. *libi* отъ скр. *dasan* (*decem*), отдѣляя его какъ отъ нашего *ликъ*, првл.—*ликій* въ *коликій*, *толикій* и т. д., такъ и отъ гот. *leiks* (*similis*) въ *galeiks* (*aequalis, gleich*), *analeiks* (*similis ähnlich*), а это послѣднее *лік* еще отважнѣе, при помощи перемѣны понятій, выдаетъ за простое видоизмѣненіе скр. *drs* (*similis*) отъ корня *drs*, греч. *δέρω* (*video*)¹⁾. Другіе литв. *lika* въ *wienolika* (11) и т. д. производятъ отъ литв. *likú* или *liekmi* (*linquo*), такъ что *wienolika*—*одинъ съ остаткомъ* (*jeden a ostatek*) и т. д. Гораздо ближе, если мы не ошибаемся, скр. *lihh* (*sribere, pingere*), особенно если мы сравнимъ съ чеш. *liciti* (*pingere*), и лат. *littera* и т. д. Основное понятіе вездѣ *species, figura*. Это слово наравнѣ съ словомъ *дова* есть одно изъ наиболѣе распространенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ въ языкѣ славянскомъ, а потому заслуживаетъ болѣе полного, болѣе точнаго объясненія нежели то, которое мы можемъ здѣсь сообщить. — Впрочемъ мы различаемъ *лік*, *liku* (*species, numerus*) отъ окончанія—*ликій* въ *ієликій*, *толикій*, *коликій*, *wseliky* ит. д., греч.—*λίος* въ *πηλίος*, *τηλίος*, считая это послѣднее сложенымъ изъ *ли* и *кѣ*, согласно съ мнѣніемъ Добровскаго и вопреки Боппу.

Во всѣхъ языкахъ высшія количественныя и собирательныя числительныя имена происходятъ отъ корней означающихъ множество; напр. евр. *elef* (1000) употребляется болѣе въ смыслѣ семейства, первоначально же означало стадо, такъ какъ *elef* значитъ также скотъ; *rbabah* (*μίρον*, 10000) отъ *rabab* (*multitudo*), а это послѣднее отъ *rab* (*multus, magnus*); тоже самое и въ другихъ языкахъ.

Изъ порядковыхъ *првоъ*, *первый pruni*, литв. *pirmas*, лот. *pirms* скр. *pruva*, *prathamā*, зенд. *frathimo*, греч. *πρῶτος*, лат. *primus*, гот. *frum's*, *frumist's*, вмѣстѣ съ прилагат. *правый* и *прямой* имѣютъ своимъ корнемъ предлогъ *пра* (въ *праотець*), скр. *pra*, отъ котораго *про*, *пръ* и т. п. отличаются только значеніемъ, а не элементарною формою. Родственно по звуку, но отличною по значенію, скр. *para*, лат. *par*, т. е. равный, товарищъ, греч. *παρῖ* (*juxta*), собственно ровно, ровноѣрно противоположно ему зенд. *taro* (*super*), скр. *tiras* (*transversim, oblique*), лат. *trans*, слв. *крозъ*, *чрезъ*. Тамъ понятіе равенства, одинаковости,—здѣсь избытка, излишества; тамъ четъ (*par*), здѣсь нечетъ (*impar*) т. е. *три*.

Вторъ, *вторый*, *вторъ вторый*, дрв. чеш. *wtory* и *wtery* (*secundus*) сокращено изъ *два терый*, греч. *δευτερος* отверженіемъ кореннаго *д*. Подобно въ скр. *vinsati* вм. *dvinsati* (20), греч. *ἕκκατ* атт. *ἕκκοσ* вм. *δφείκκατ*, лат. *viginti* вм. *dviginti*.

Другъ, *другый* (*secundus*) тождественно съ *другъ* (*amicus, sodalis*) и одного корня съ *драгъ* (*carus*).

Изъ сложныхъ и раздѣлительныхъ чеш. *duchy* въ *jednoduchy* (*simplex*) и *násobní* въ *dvójnásobní* (*duplex*) ясны сами собою; въ старослав. употреблялось *зубъ* напр. *самубъ*, *трегубъ* или *тригубъ* (*duplex, triplex*) литв. *gibas*, напр. *gubaj*, отъ *гъ-бати*, чеш. *hybati* въ *zahybati* (*plicare*), а это послѣднее изъ корня *gu*, скрътаго въ скр. *gita* (*vocalis incrementum, Zulaut*), *dviguna* (*duplex*) и въ пол. *giąć* (*flectere*); въ ильврскихъ нарѣчіяхъ *pu* въ *jedanpu*, *dvaputa* (*semel, bis*) есть Старослав. *пѣть* (*via, iter*), *red* въ *jedanred* (*semel*) тоже, что *радъ* (*ordo*), *struk* въ *dostruk* (*duplex*, отъ *струкъ* (*siliqua, caulis*)). Изслѣдованіе о болѣе глубокихъ корняхъ этихъ словъ мы оставляемъ въ настоящее время.

Слв. *кратъ*, чеш. *krat* въ *jedenkrat* (*semel*), литв. *kartas*, скр. *krtvas*, напр. *panča-krtvas*, пять-кратъ, происходитъ отъ скр. *kri* (*faciens*), а это отъ корня *kri* (*facege, creare*) перс. *kerden*, слв. *кръвати*).

Жды, въ нарѣчіяхъ *дважды*, *трижды* (*bis, ter*) и т. д. равняется скр. *dhd* въ *dvidhd*, *tridhd* и т. д. потому что *жд* есть болгарское измѣненіе древнѣйшаго *dj*, а наше *j* соотвѣтствуетъ скр. *h*.

Шти, по русскому выговору *щи*, также въ нарѣчіяхъ слв. *дващи*, *трищи* (*bis, ter*) и т. д. есть болгарская форма древнѣйшаго измѣненія *ти* или *tji*, не знаю, отдѣльнаго первоначально или однокореннаго съ вышеприведеннымъ *dji*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Такъ какъ намѣреніе наше состоитъ не въ томъ, чтобъ представить здѣсь полное и подробное изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, но только въ томъ, чтобъ разобрать этимологически образованіе основнаго нашего числительнаго, и этимъ путемъ, на сколько возможно, пробраться къ первому, ближайшему поводу наименованія чиселъ, — то мы можемъ пропустить всѣ другіе грамматическіе вопросы, которые рождаются въ мысли при разсматриванія этого предмета, и оглянуться назадъ на совершенный нами путь къ предположенной цѣли и собрать въ одно мѣсто всѣ результаты. Вотъ они въ короткихъ словахъ:

1. Основныя наши числительныя имена родственны въ этимологическомъ отношеніи частію съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли глаголь и имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя. Съ указательными частицами родственны первыя три числа, согласно раздѣленію трехъ личныхъ мѣстоименій, съ которыми они совершенно одинаковой матеріи: слав. *і-единъ*, чеш. *jeden*, слав. *икъ* (і-а, вы), *два* (ты), *три* (тъ, те); съ корнями глагольными и именными родственны прочія семь: *четыре*—двѣ четы, двѣ пары, *пять*—пять (у лѣвой руки), *шесть*—шака т. е. горсть, *семь*—обѣтъ или святость, *осмь*—двѣ четверки, *девять*—новое число, *десять*—десница или правая рука, *сто* есть вторая половина слова *десять*, по отпаденіи первой.—*Тысяча* сокращена изъ *десать*—сать, *десять* сотъ. Къ тому же результату ведетъ разборъ всѣхъ прочихъ числительныхъ именъ нашего языка и родственныхъ ему иудеюврейскихъ. И между этими послѣдними низшія и также элементарныя три числа родственны съ личными мѣстоименіями, а прочія съ глагольными и именными корнями; напр. греч. *μή*, *μόνος* съ *теа*, *теіns*, чеш. *тне*, *те*, *ті*; *са* съ нашимъ *ся* (са), *си*, *себѣ*, *собѣ*, скр. *тvas* съ *тва* (tu); напротивъ *мѣра*, *копа*, *тѣма* и т. п. суть существительныя имена, перенесенныя къ означенію опредѣленнаго числа. Замѣчательно и достойно вниманія сходство и въ томъ, что какъ къ означенію понятія перваго лица употребляется много различныхъ частицъ въ прямыхъ и косвенныхъ падежахъ, такъ и къ означенію понятія единичности употребляются тѣже самыя частицы одна возлѣ другой, но изъ нихъ въ самой числительной системѣ обыкновенно одна получаетъ перевѣсъ надъ всѣми другими.

2) Въ томъ показаніи, что первыя, элементарныя три числа родственны съ тремя личными мѣстоимѣніями, а слѣдовательно

и съ различіемъ трехъ лицъ и ихъ значеніемъ, — прочіаже образовались посредствомъ болѣе или менѣе свободнаго перенесенія словъ отъ предметовъ вещественныхъ къ означенію отвлеченныхъ понятій т. е. опредѣленнаго количества, — въ этомъ показаніи обнаруживаются свойства и качества какъ цѣлаго языка, такъ и самой человѣческой мысли. Съ одной стороны мы стоимъ на томъ краю дѣятельности человѣческаго разума, гдѣ начальныя и основныя его понятія кажутся погребенными въ внутренности природы; по этому намъ предстоитъ все дальше и дальше разбирать элементы и изслѣдовать ихъ значеніе. Съ другой стороны мы находимся въ области свободной и сознательной дѣятельности духа, именно происхожденія своихъ мыслей и ихъ означенія, перенесеніемъ словъ отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли, измѣненіемъ и установленіемъ ихъ значенія по произволу. — Уже изъ этого мы можемъ заключать о несостоятельности мнѣнія тѣхъ впрочемъ ученыхъ и уважаемыхъ филологовъ, которые *всякое* числительное, *всякое* мѣстоимѣніе, *всякій* предлогъ выдаютъ за *метафору*, утверждая, что они суть сокращенныя имена предметовъ вещественныхъ, а именно:

одинъ происходитъ отъ какого нибудь слова, которое нѣкогда въ какомъ нибудь языкѣ означало *голову*, потому что голова единична, *два* отъ слова которое означало *очи, уши, руки, ноги, рога*, и т. п., потому что эти предметы двойственны. Заблужденіе явно. Если бы всѣ числа были простымъ перенесеніемъ словъ отъ означенія предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ понятіямъ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ было бы то, что человѣческое мышленіе и рѣчь могли когда то въ опредѣленныхъ границахъ и могутъ теперь еще производиться безъ опредѣленія количества и различенія лицъ, что противорѣчитъ само себѣ.

Разборъ имени числительнаго, какъ и всего прочаго въ языкѣ, чего нельзя отвергнуть, ведетъ къ дуализму элементовъ и корней. Будемъ знать только, что эта простая антиномія, какъ и всѣ другія, въ которыя впадаетъ духъ человѣческій при своемъ мышленіи, достигаетъ въ чемъ то высшемъ своего соединенія и соглашенія, что эта антиномія, въ которую вдается филологъ при изслѣдованіи основныхъ элементовъ и человѣческихъ понятій, находитъ причину въ чемъ-то высшемъ, но скромному филологу нельзя перескакивать между, опредѣленную его науку, и обѣщать свѣтъ, который не данъ ему въ удѣлъ.

3) Все, что духъ человѣческій самодѣятельно, хотя подъ вліяніемъ тѣлеснаго своего организма, творитъ и образуетъ, въ области чувственнаго воспріятія воплощеніемъ мысли въ слово,

должно,—чтобъ получить истинное существованіе, истинное бытіе,—принять на себя подобіе и видъ природы, слѣдовательно подчиниться законамъ механизма, въ чемъ заключается вся сила и особенность природы какъ прямой противоположности духа. Изученіе же духа доходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи до самыхъ глубочайшихъ и недовѣдомыхъ основъ.

Правда, изучая природу, мы тѣмъ самымъ изучаемъ и міръ духовный; но и въ самой душѣ бываетъ смѣна дня и ночи, свѣта и мрака, и она обладаетъ способностію вѣдѣнія, пока свѣтитъ солнце созиющего разума. Ясно этому доказательство представляютъ и числительныя имена. Искать въ каждомъ случаѣ причинъ, почему духъ человѣческой различеніе трехъ лицъ или трехъ начальныхъ чиселъ называлъ тѣми, а не другими звуками, составляетъ и для гениальныхъ умовъ задачу неразрѣшимую, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не разрѣшенную: но и на высшихъ, болѣе доступныхъ для нашего вѣденія ступеняхъ числительной системы нашего и вообще каждаго языка,—этого искусно созданнаго міра величинъ и количествъ,—свѣтъ прибываетъ слабо и мало-по-малу, и между предѣлами мрака и свѣта далеко простирается область сумрака. И видимъ тутъ, что слова свободно и сознательно,—и конечно не безъ причины,—перемѣнивъ первоначальное свое значеніе должны были все болѣе и болѣе слагаться и переходить въ простые, самородные звуки понятій, чтобъ достигъ права *прирожденности*. Никто не мыслитъ при *пяти* о *пяти*, при *шести* о *шакъ* или горсти, при *семи* объ *обътъ* или святости, при *девяти* о *новомъ* числѣ, при *десяти* о *десницѣ*, хотя было время, когда все это ясно и чисто должно было приходиться на мысль говорящему и быть имъ сознаваемо. Такое отчужденіе по истинѣ было необходимо, неизбежно, если только счисленіе съ помощью этихъ словъ входило въ организмъ *прирожденнаго* языка. Сокращеніе и измѣненіе числительныхъ именъ по ихъ матеріи или звуку есть простое слѣдствіе этого.

4) Каждый языкъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество смѣлыхъ и разнообразныхъ сокращеній и измѣненій словъ, и можно найти сотни болѣе смѣлыхъ и разнообразныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ намъ имена числительныя. Это сокращеніе и измѣненіе достигаетъ высочайшей степени на высшихъ десятичныхъ, сотенныхъ и тысячныхъ мѣстахъ. Изъ многахъ примѣровъ я приведу здѣсь только нѣкоторые, для простаго напоминанія. Чеш. *jedenáct* вм. *jedennadeset*, *dvacet* вм. *dvadeset*, *jedenáctma* вм. *jedenmexidesitma* ($10+1+10=21$), служитъ намъ ближайшимъ того доказательствомъ. Уже въ скр. мы находимъ

šasti вм. *šasdasati* (60), *saptati* вм. *sapladasati* (70) и т. д., въ греч. *εἰκοσι* вм. *δφειδέκxη*, *tétraxhloov* вм. *тетрэдърххлов*, въ лат. *viginti* вм. *dvīdeginti*, *duodennis* вм. *duodecennis*, *dodrans* вм. *dequadrans*, *sembella* вм. *semilibella* въ нѣм. *hundert* вм. гот. *taihunthund*, во франц. *onze*, *douze*, *treize* и т. д. сократилось такъ, что изъ первоначальнаго *decem* (*dix*) образовалось простое *ze*, въ англ. *eleven* вм. *one-leven*, въ итал. *venti* вм. *viginti* и т. д. Нашему *сто* вм. *десять* × *десять*, *тысяча* вм. *десять* × *сто* аналогично лат. *decies aeris* вм. *decies centena millia aeris*. Подобныхъ примѣровъ во всѣхъ языкахъ множество, чѣмъ въ известной степени оправдывается отважность филолога, восходящаго въ мысли своей отъ разсматриванія кусковъ и обломковъ къ угадыванію цѣлага.

5) Мы сказали въ самомъ вступленіи къ этому труду, что предметъ этимологіи составляетъ разысканіе причины наименованія предмета, или соотношенія нашихъ понятій съ созвучными имъ звуками,—сказали, что при этомъ непременно должно восходить постепенно отъ причинъ ближайшихъ къ отдаленнѣйшимъ, пока не дойдемъ до самыхъ глубокихъ. Мы старались, на сколько намъ было возможно, добраться только до ближайшихъ причинъ наименованія нашихъ чиселъ; восхожденіе къ болѣе глубокимъ и достиженіе послѣдней мы должны предоставить доброй волѣ, охотѣ и опытности свисходительнаго читателя.

Почтемъ себя за счастіе, если намъ удалось пролить изъ богатаго и древняго языка нашего какой нибудь *новый свѣтъ* на этотъ важный и темный предметъ, а чрезъ то доказать предъ лицомъ непредубѣжденныхъ судей право однородства нашего языка съ прочими прославленными индоевропейскими языками.

Мы увѣрены, что и тотъ, кто при помощи его будетъ съ искренностію и постоянствомъ искать дальнѣйшаго и высшаго свѣта, не даромъ будетъ трудиться и не пожалѣетъ своего труда. Заключимъ словами, произнесенными нами двадцатью двумя годами прежде: *языкъ славянскій старъ и богатъ, и изучающій его будетъ щедро вознагражденъ.*

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) См. I. M. *Minner* Ansichten von Entstehung, Wesen und Erscheinungen der menschlichen Sprache, Stuttg. 1839. 8°. Здѣсь происхожденіе *есльхъ* понятіи отъ чувственныхъ образовъ и матеріальность ихъ, равно какъ и происхожденіе разума изъ языка ясно выражены, и между прочимъ вотъ что читается о матеріальности понятіи: «Einen recht deutlichen Beweis von der tastbaren materiellen Beschaffenheit unserer Begriffe erhalten wir, wenn wir etwas Vergessenem mit unserem Gedächtnisse nachjagen, und es uns ist, als wenn es einen Körper hätte und wir manchmal im Begriffe sind es zu erhaschen, wenn es uns, wie ein Aal, entschlüpft» S. 30.

2) *S. Stern*. Lehrbuch der allgemeinen Grammatik. Berlin 1840. 8° Сочинитель оканчиваетъ свое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ слѣдующими замѣчательными словами: «Und so müssen wir also das Resultat als entschieden betrachten, dass das Zahlwort nicht in die Reihe der Wörter als organisches Sprachgebilde gehöre». S. 76.

3) Достоинно вниманія въ этомъ отношеніи греческое выраженіе *πεμπτάειν* т. е. считать на пальцахъ, отъ дрв. греч. *πεντε* вм. *πέντε* (*quinque*).

4) По этой причинѣ мы отсылаемъ снисходительнаго читателя къ слѣд. сочиненіямъ: *Fr. Wüllner* Über Ursprung und Urbedeutung der sprachlichen Formen, Münster. 1831. 8° *Его же* Über die Verwandtschaft des Indo-germanischen, Semitischen und Tibetischen. Münster. 1838. 8°

Fr. Vopp. Vergleichende Grammatik. Berlin. 1833 4° S. 428—467.

R. Lepsius Zwei sprachvergleichende Abhandlungen. Berlin 1836 8°

Th. Bensley Griechisches Wurzellexicon. Berlin 1839 8° 2 d.

W. Mohr Dialektik der Sprache. Heidelberg 1840 8°

M. Schasler de pronomine personali. Berol. 1848 8°

A. T. Pott Etymologische Forschungen. Lemgo 1837 8° ч. 2 стр. 276—277.

Его же Die quinaire und vigesimalc Zählmethode. Halle 1847 8°

5) Ист. Гос. Рос. IV, 53 *неудоси* (незастигъ); IV, 12 *удоси него* (постигъ его, угодилъ ему) и т. д.

Находится и въ весьма старомъ словарѣ церковнославянскаго языка.

6) Удивительно, что и въ арабскомъ языкѣ слово *handun*, по Лепсію, имѣетъ значеніе ста.

7) *Fr. Vorr Vergleichende Grammatik. Berl. 1833 S. 447. 597.*